ДЕКАБРЬ 26 ВОСКРЕСЕНЬЕ 1937 год.
№ 70 (706)
Цена 30 коп.

I-I-9
ЛЕНИНГРАД 41
Халтурина № 24 кв. 20
ЯКОВЛЕВУ Н.В.
УП-ХП
Лит. Газ.
з III684

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

…АВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

Братский привет украинскому народу!

РУСТАВЕЛИЕВСКИЕ ДНИ В ГРУЗИИ

На пленуме правления Союза советских писателей

От наших специальных корреспондентов

...Чудесный праздник стиха, праздник горячих сердец, светлых дум, вдохновенных слов, пролетевших через вершины веков и гор, праздник вечной дружбы советских народов—так выразил первые впечатления о руставелиевских торжествах в Тбилиси Николай Асеев.

Великие чувства дружбы и любви, воспетые Руставели, наполняют сердца писателей одиннадцати республик, собравшихся на родине поэта.

— Руставели ратовал о благородной рыцарской дружбе людей. И вот вы, дорогие наши гости, рыцари высокой мысли и художественного слова, являетесь олицетворением благородной дружбы народов нашей необ'ятной и мощной социалистической родины...

Эти слова приветствия мы услышали в первые минуты пребывания в Тбилиси, на Привокзальной площади, на которой тысячи людей с шелковыми знаменами, с огромными букетами живых, благоухающих цветов встречали писателей Советского Союза. Их приветствовали от имени грузинского народа секретарь союза писателей Грузии т. Чарквиани, народные артисты Грузии, депутаты Верховного Совета, орденоносцы тт. Дадиани и Хорава, рабочий-стахановец т. Назарбегов, пионерка-орденоносец Этери Гванцеладзе. Им отвечали народный поэт Белоруссии Янка Купала и Всеволод Вишневский.

— Вступая на землю страны, которая дала трудящемуся человечеству великого Сталина, — сказал Вишневский, — мы чувствовали, как радостно дрогнули наши сердца. Поклон вам, товарищи, любовь и привет от всего сердца!

...Прекрасна столица советской Грузии. Писатели осматривали стены древних замков, крепостей, овеянные легендами и преданиями. В музее, строящемся на месте Месхетского замка, нам показывали изумительные узоры на тканях, вышитых женщинами Грузии, и на тканях этих цветными нитями вытканы афоризмы Руставели.

Огромное впечатление на писателей произвело посещение Дома-музея, где в 1904—1906 гг. помещалась большевистская типография, руководимая великим Сталиным.

...Пятый пленум правления Союза советских писателей СССР, посвященный Шота Руставели, происходит в здании театра, носящего имя великого поэта.

В зрительном зале, кроме делегатов пленума, многочисленные представители общественных и культурных организаций Грузии, рабочие, артисты, художники, студенчество. На открытии пленума присутствуют секретарь ЦК КП(б) Грузии тов. Лаврентий Берия, председатель Совнаркома тов. Бакрадзе, руководящие работники партийной организации и правительства Грузинской ССР. Торжественное заседание открывает тов. Ставский.

— Писатели народов Советского Союза, —говорит он,—празднуют сегодня 750-летие гениальной поэмы Шота Руставели «Вепхис Ткаосани». Первое слово писателей и народов Советского Союза,—это слово братского, сердечного привета грузинскому народу.

— Где, в какой стране, в каком веке во всей истории человечества возможен такой праздник? Он возможен только в могучей социалистической стране, где Пушкин переведен на 82 языка, Горький на 48 языков, где народ является наследником всех культурных ценностей, где народ осуществляет свои законные права наследования Этот праздник стал возможным в результате огромных побед социализма, добытых героическими усилиями народа, во главе которого стоит наша партия и ее великий вождь, наш родной товарищ Сталин.

Весь зал встает, грохот оваций потрясает театр Руставели. Из партера, из лож, с балконов, со сцены несутся приветствия великому вождю товарищу Сталину на грузинском, украинском, азербайджанском, белорусском армянском, еврейском и татарском языках. Писатели, художники, музыканты, ученые, рабочие и красноармейцы на различных языках с огромным воодушевлением восклицают: «Да здравствует наш Сталин!»

Тов. Ставский говорит о радости и гордости народа победами социализма, победами социалистической индустрии, колхозов и совхозов.

— Мы гордимся тем, что в нашей стране книги пишутся на десятках языков, что в наших школах учатся 38 миллионов человек, что в 1941 году у нас будет 8 миллионов новых инженеров и техников. Мы радуемся и гордимся нашей Красной Армией, которая разгромила всю белогвардейщину и всех интервентов. Мы радуемся и гордимся нашими славными чекистами, их руководителем Николаем Ивановичем Ежовым, которые разгромили подлую нечисть троцкистско-бухаринских шпионов, наемных фашистских убийц, диверсантов, заклятых врагов народа.

— Мы радуемся и гордимся, что храним как зеницу ока дружбу народов, чему нас учил и учит товарищ Сталин.

Под бурные аплодисменты тов. Ставский произносит слова братского приветствия социалистической республике Украине, празднующей свое двадцатилетие.

— Огромное значение имеет наш сегодняшний праздник. Поэма Руставели близка и дорога нам не только, как древний литературный памятник, эта поэма злободневна, ее прекрасные строки вселяют мужество в сердца, пробуждают лучшие чувства. Строки Руставели разят врагов. Руставели близок и любим народами СССР.

Долго не смолкают аплодисменты, возгласы ура.

От имени непосредственных хранителей и продолжателей великих поэтических традиций гениального Руставели, от имени певцов свободного грузинского народа, певцов самой светлой, счастливой эпохи грузинской истории — пленум приветствует представитель союза писателей Грузии тов. Жгенти.

— Народ любит творение Руставели, вдохновленный гимн любви, дружбы, героизма. Народ сохранил и защитил «Витязя в тигровой шкуре» от натисков всех реакционных сил, и сейчас победоносный советский народ, руководимый великой и непобедимой партией Ленина—Сталина, окружает это сокровище культурного наследия заботой и любовью.

Только в эпоху победившего социализма мудрые стихи Руставели зазвучали на языках народов нашей великой родины.

Пятый руставелиевский пленум правления ССП СССР войдет знаменательным фактом в историю строительства социалистической культуры. Он красноречиво свидетельствует о том, что в нашей стране все лучшие сокровища каждой национальной культуры действительно стали достоянием всех братских народов Советского Союза, что великое наследие Руставели с глубоким вниманием и интересом изучает и осваивает вся многонациональная советская литература.

— Приветствуя делегатов пленума, — говорит далее Жгенти, — писатели Грузии в первую очередь обращают свой пламенный привет выдающимся писателям народа-героя, народа-богатыря, великого русского народа, писателям, составляющим ведущий авангард советской литературы.

С чувством радости Жгенти приветствует писателей великого украинского народа, празднующего сейчас двадцатилетие своей социалистической республики. Писатели Грузии приветствуют представителей литератур всех народов советской страны.

— Наш пленум, — говорит Жгенти, — свидетельствует о сталинской дружбе писателей Страны Советов.

На первом заседании пленума выступили также народный артист Грузии орденоносец Давидашвили и студентка Транспортного института девушка-орденоносец Гокиели.

— Дружба, братство, героизм, воспетые гениальным поэтом Руставели, близки и понятны советской молодежи, — сказала т. Гокиели. Эти чувства воспламенил в наших сердцах великий Сталин. Счастливая молодежь советской солнечной, лучезарной Грузии, как Тариэль и Автандил, приветствует вас, братья и друзья писатели советских народов.

Слово предоставляется тов. Серафимовичу. Он благодарит от имени советских писателей за дружеский прием.

— Позвольте приветствовать Грузию, — говорит т. Серафимович, — вашу чудесную, светлую, радостную страну. Юная, она родила чудеснейшего поэта, оставшегося в веках, Шоту Руставели. Прекрасная Грузия — родина вождя трудящихся всего мира великого Сталина.

После доклада проф. Ингороква о Руставели и его поэме, которым началась деловая работа пленума, состоялся большой концерт грузинского искусства.

★

На утреннем заседании с докладом о поэме Руставели выступил т Павленко, говоривший о своеобразии «Витязя в тигровой шкуре» и о значении этого гениального произведения в мировой литературе.

Второй доклад. т. Гаприндашвили, был посвящен интересной теме «Руставели и современность». Докладчик на живых примерах показал, как поэма Руставели вошла в кровь и плоть грузинского народа. Строфы и афоризмы из «Витязя в тигровой шкуре» звучат на каждом народном торжестве и семейном празднике. Народ слагает песни и легенды о Руставели. Докладчик прочел ряд текстов песен, сложенных колхозниками об известном поэте из Рустави.

С приветствием от Академии наук выступил академик Мещанинов.

На утреннем заседании выступил с яркой речью Николай Тихонов и другие.

На дневном заседании выступил поэт-академик Павло Тычина, глава братской украинской делегации.

— Разрешите мне, — говорит Тычина,— от имени Академии наук Украинской ССР передать свободному братскому грузинскому народу искренне горячий привет.

— На портретах в книгах, — продолжает Тычина, — мы всегда привыкли видеть Руставели сидящим. Но сегодня он встал и находится среди нас. От разноплеменных представителей республик честь тебе и слава 750-летний бессмертный поэт. Мышлением своим ты нас восхищаешь, — восклицает Тычина.

— На картинах привыкли мы видеть Руставели пишущим, сегодня среди нас он говорящий. Слова его, отягощенные афористическим медом, понятны и созвучны нам, — продолжает Тычина.

— Ты сказал: «Раздай богатства бедным, освободи рабов», хотя слова эти были произнесены в закоулках средневековой акустики, даже сейчас они отточенным острием направлены против теперешних князей, попов, банкиров.

— Недаром упоминание имени Руставели с таким энтузиазмом было встречено участниками первого международного конгресса защиты культуры в Париже, конгресса, работа которого протекала в окружении беснующегося фашизма.

Глава братской украинской писательской делегации в своем выступлении особое внимание уделяет кровным связям украинской и грузинской литератур. Уже в половине XIX века стихи Шота Руставели зазвучали на украинском языке в переводе сосланного на Кавказ украинского писателя Александра Навроцкого.

Тычина подчеркивает нерушимую дружбу, которой связаны поэты и писатели братских советских республик.

Выступлением азербайджанского писателя Ибрагимова Мирзы заканчивается дневное заседание пленума. Делегаты раз'езжаются по фабрикам и заводам города.

★

Пленум получил следующую телеграмму от участников второго международного антифашистского конгресса, выехавших в Тбилиси на торжества Руставели:

«Победа мудрой ленинско-сталинской национальной политики дала возможность достойно оценить гениального поэта грузинского народа. Счастливые возможностью участвовать в торжестве, сердечно приветствуем исторический писательский пленум. В лице великого грузинского народа, давшего миру гениальных Шота Руставели и Сталина, поздравляем народы Советского Союза с прекрасным праздником культуры 750-летия бессмертного Руставели».

Телеграмма подписана: Белев (Болгария), Пля-И-Бельтран (Испания).

Сегодня в Тбилиси на пленум приехал народный певец Казахстана орденоносец Джамбул.

26-го пленум выезжает на родину товарища Сталина в Гори, где будет организована всесоюзная радиопередача выступления писателей из Гори

Б. Рест, Эль Регистан

Шота Руставели — портрет работы художника С. Кобуладзе

ШОТА РУСТАВЕЛИ

Максим РЫЛЬСКИЙ

Где тенистые долины, где снега среди ущелий,
Всюду, где наш сад советский, и пески зазеленели,
Где пустыни отступили, где сердца не охладели, —
В каждом доме, в каждой хате славьте месха Руставели.

Отлагаются, как в море, жемчуга в волнах столетий.
Жемчуг мудрости не гибнет, — он века живет на свете.
Мудрый стих запоминают деды, и отцы, и дети:
Каждый миг строка блистает, им напомнив о поэте.

«Кто дает — тот богатеет, а скупой — усердный мот»...
Эту мудрость по наследству нам поэт передает.
И поэма Руставели словно тьмы и тьмы щедрот,
Будто щедрою рукою сыплет он цветы в народ.

Мы живем в стране свободной, счастье мы добыть сумели,
Нет у нас дворцов господских, нет и монастырских келий,
И ведет нас вождь великий — как всегда — в простой шинели, —
И поэты всех народов славят месха Руставели.

Перевел с украинского **НИК. УШАКОВ**

Дата мирового значения

Советская страна отпраздновала в этом году столетнюю память Пушкина. Сейчас она будет праздновать другой великий юбилей — 750-летие Шота Руставели В эти дни наша страна празднует даты мирового значения. Великий грузинский эпос пронес всю свою силу, молодость и обаяние через века до наших дней.

Я не знаю в мировой поэзии более вечных, более молодых женских слов, чем письмо Нестан-Дареджан своему рыцарю, чем плач Ярославны в Путивле-граде на городской стене, чем письмо Татьяны к Онегину.

Русская литература в прошлом не могла приблизиться вплотную к великой поэме, узнать ее.

Были, правда, и в прошлом попытки, но робкие: старые русские поэты приближались не к самой поэме, а только к легендам вокруг нее и ее творца. (Таково, например, стихотворение Полонского «Тамара и певец ее Шота Руставели» 1851 года).

Только теперь, в нашу эпоху, взаимно открывшую для народов Союза все их богатство, Руставели входит в кровь и плоть русской литературы.

О русском языке когда-то декабрист, друг Пушкина, писал, что он — «богатейший и сладостнейший между всеми европейскими», но только в нашу эпоху и только благодаря нашей эпохе наш язык стал мировым языком Перед русскими советскими поэтами, перед всею советской литературой стоит почетный и радостный долг полноценного перевода великого грузинского поэта.

Пусть Нестан-Дареджан станет сестрою Ярославны и Татьяны

Юрий Тынянов

В ПОЕЗДЕ МОСКВА—ТБИЛИСИ

Четыре вагона скорого поезда Москва—Тбилиси принадлежат писателям. Тысячи километров, отделяющих столицу Грузии от столицы Союза, проходят в беседах и спорах Звучат благородные имена Автандила и Тариэля Поэты сравнивают русские переводы «Витязя в тигровой шкуре» — у всех на руках книга с переводом Цагарели, журналы с переводами Петренко.

В одном вагоне читают поэму Руставели, переведенную для юношества Николаем Заболоцким, — эту книгу, прекрасно изданную ленинградским Детиздатом, поэт везет в подарок пленуму.

В соседнем вагоне мы слышим строфы Руставели на еврейском языке — здесь едут еврейские поэты Фининберг и Хашавецкий

О первых переводах «Витязя» говорит чувашский поэт Уйп Мишши. Калмыцкий писатель Батыр Басангов цитирует на родном языке письмо Нестан-Дареджан... Когда вдали в тумане показались величественные горы Кавказа, Батыр Басангов сказал нам:

— В тринадцатом веке, вскоре после создания Руставели «Витязя», Грузия подверглась нашествию Чингис-хана. Грузины и калмыки встретились, скрестив клинки своих мечей Через семь веков на торжестве Руставели в Советской стране, об'единившей сталинской дружбой народы, я, калмык, еду в Грузию, как друг к друзьям. В эти дни калмыцкие поэты слагают песни в честь Руставели.

Представитель узбекского союза писателей тов. Хусаинов рассказывал об общенародном празднике, в который вылилось чествование Руставели в Узбекской республике.

— В этом нет ничего удивительного, — говорит т. Хусаинов. — В Советской стране гений одного народа становится достоянием всех народов Союза, обогащает, воспитывает, радует.

В этом огромная победа ленинско-сталинской национальной политики. И поэтому праздник грузинского народа является и праздником Узбекистана. Для проведения этого праздника создана правительственная комиссия. Выдающиеся деятели культуры вошли в эту комиссию.

У нас готовится большая выставка о Руставели, будет проведена научная сессия, устраиваются литературные вечера. Во все районы республики выехали писатели для докладов о Руставели.

Особенно значительным надо считать, однако, впервые осуществленный перевод «Витязя» на узбекский язык. Поэму Руставели переводили лучшие поэты Узбекистана. Сборник переведенных каждым из них отрывков выходит к юбилею творца «Витязя в тигровой шкуре». После общественного обсуждения переводов автору лучшего из них будет поручен полный перевод поэмы.

О таком же творческом соревновании поэтов рассказывают в белорусском купе,— здесь едут Янка Купала, Михась Лыньков, Петрусь Бровка, Петрусь Глебка...

— На белорусский язык переведено уже 36 глав; они печатаются в газетах и журналах. В 1938 году выйдет вся поэма — ее переведет тот поэт, чья работа в сборнике будет признана лучшей.

— Нам особенно радостна поездка в Тбилиси, — заявили белорусские писатели, — потому, что дружба грузинской и белорусской литературы имеет уже прекрасные творческие плоды. В Белоруссии мы давно переводим грузинских поэтов. Писатель Самуйленок закончил роман о Грузии Мы знаем, что белорусская тема также нашла место в грузинской литературе.

В беседах, воспоминаниях проходит путь от Москвы до Тбилиси. Мы под'езжаем к родине Руставели. Кто-то произносит стихи:

Привет тебе, могучий мой Кавказ,
Короны гор и пропасти ущелий!
Привет тебе, кто слышал в первый раз
Торжественное пенье Руставели.

Скорый Москва—Тбилиси, 20—23 декабря. По телеграфу от нашего спецкорра.

СЛАВНОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ

Сегодня цветущая социалистическая Украина празднует свое славное двадцатилетие. Вместе с украинцами эту дату радостно отмечают и другие десять республик. Праздник Украины — праздник всего советского народа, всей братской семьи народов, живущих под солнцем Сталинской Конституции.

Двадцать лет назад, в ноябре 1917 года, с'езд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на Украине по предложению товарища Сталина об'явил Украину республикой. Прошло двадцать лет. Это были годы героической борьбы и побед. В огне классовых битв рождалась молодая республика, под орудийным и пулеметным огнем вырастала великая дружба народов Рабочие и крестьяне всех советских народов и, прежде всего, русские рабочие помогли украинскому народу очистить землю от германских оккупантов, англо-французских интервентов, польских захватчиков, петлюровских бандитов и других разбойников

Сейчас не узнать страны. Советская Украина стала мощной индустриальной державой, страной крупного социалистического земледелия Но не только замечательной индустрией и золотой пшеницей богата Украина. За эти двадцать лет народ создал новую культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию. Ленинско-сталинская национальная политика, советская социалистическая демократия открыла родники народного творчества Поезжайте по украинским селам и городам, пройдитесь по рабочим поселкам и колхозным улицам, и всюду вы увидите радость и веселье, услышите прекрасные песни о новой зажиточной жизни, о том, кто дал эту жизнь, о великом Сталине.

За родную Украину,
Что цветущей стала,
Слава партии великой
И Сталину слава

Украинский народ, только при советской власти расправивший свои могучие плечи, выдвинул людей, которых знает теперь весь мир.

Украина — родина стахановского движения. Здесь, в шахте Донбасса, Алексей Стаханов — ныне студент Промакадемии — впервые ударил своим молотком, и удар этот прогремел по всей стране, как зов к новым победам

Украина — родина движения пятисотниц, борцов за высокие урожаи на социалистических полях. Здесь, на полях Киевской области, простая крестьянская девушка, запевала движения пятисотниц Мария Демченко — ныне студентка Киевского сельскохозяйственного института — доказала, что может дать земля, если хорошо работать.

Украина — родина кривоносовского движения Здесь, в депо Славянск, молодой машинист Петр Кривонос — ныне начальник депо Славянск — впервые повел поезда по-новому, и люди стали считать для себя честью работать по-кривоносовски.

Свободный украинский народ выдвинул из своих рядов сотни и тысячи талантливых организаторов промышленности и сельского хозяйства, вырастил новую интеллигенцию из рабочих и крестьян, создал значительные произведения искусства. Сплоченный вокруг великой партии Ленина—Сталина, он на выборах в Верховный Совет СССР отдал все свои голоса кандидатам сталинского блока коммунистов и беспартийных.

Радостно и счастливо живет великий украинский народ. Растет мощь страны, ее культура, богатеет народ. Фашистские агенты, троцкистско-бухаринские шпионы и буржуазные националисты пытались отнять у украинского народа свободу и независимость, посадить ему на шею капиталистов и помещиков. Не удалось это и не удастся никогда! Народ и его верный страж — Наркомвнудел разоблачили врагов, разбили их вражеские помыслы. Ни одного врага не останется на священной украинской земле, ибо народ вооружен боевым оружием — сталинской бдительностью, ибо есть у него карающая рука — Наркомвнудел.

Вместе с ростом всей страны расцвела и литература Украины Но, пользуясь беспечностью, враги народа, буржуазные националисты — скрыпники, любченки, хвыли нанесли большой вред росту украинского искусства и в частности литературы.

«Пользуясь своим почти бесконтрольным положением, они сознательно тормозили и глушили многие творческие процессы в области культурного строительства. Большие пробелы имеются в деле социалистического воспитания новой интеллигенции как в художественной литературе, так и в искусстве. Националистическое влияние разлагало некоторые писательские группы, делало их неспособными правильно воспринимать происходящие процессы социалистического строительства и изменения в сознании творцов этого строительства. Отсюда — худосочие и творческая немощь некоторых писателей, особенно из более старшего поколения Любченки, хвыли, пользуясь отсутствием повседневного контроля со стороны партийного руководства, оттирали и глушили рост молодых кадров, коверкали их воспитание. Они покровительствовали, протаскивали вперед, подтягивали наверх наиболее гнилых, подходящих для их предательских целей людей.

Теперь последствия этой вредительской работы надо как можно быстрее устранить. Соответствующим вниманием, партийным руководством надо обеспечить выдвижение новых, молодых людей, целиком слитых с социалистическим процессом, людей, понимающих нашу жизнь и новое в ней Надо двинуть вперед людей, способных самоотверженно строить новую культуру коммунизма, способных отражать, обобщать нашу социалистическую жизнь в своих произведениях, чувствующих величие победы социализма. Таких людей бесчисленное множество». (С. Косиор).

Эти слова руководителя украинских большевиков писатели должны положить в основу своей работы. Украинский народ богат талантами. Надо только помогать их росту, обеспечить их выдвижение.

В день двадцатилетия Украинской ССР советские писатели шлют свой горячий привет украинскому народу и желают ему дальнейшего процветания.

Небо и земля

У выгона, где жидкие
Торчали тополя,
Жил селянин особенный, —
Ни небо, ни земля.

Изба его раскрытая,
Дворишко без ворот,
Рябой щенок да курица —
Вот весь рогатый скот.

Щенок скулит, а курица
Копается, пыля...
Ни то, ни се, ни прочее, —
Ни небо, ни земля.

Ни жизнь, ни проживание,
Ни нынче, ни вчера,
Ни имя, ни название,
Ни два, ни полтора...

И сам худой, оборванный,
И вся его семья...
Ну, словом, в точку сказано:
Ни небо, ни земля...

Зажитком не прославился,
Зато в грязи, в пыли
Четыре сына добрые,
Как ясени, росли.

Уже и помощь видит
От сыновей отец:
Уже батрачит старший —
Пасет в степи овец.

Пасет, пасет мальчонка
Свою овечью рать,
И стали хлопца Шленкой
По-уличному звать.

Второй же сын, кто помнит,
Он тоже не гулял:
Водил слепую бабу,
Под окнами стучал.

Понятно, хлеб не сладкий,
Но все же сыт хоть сам.
Его прозвали: Шаткий, —
Шатался по дворам.

А третий сын — он палец
Задумчиво сосет,
И он имеет должность:
С весны гусей пасет.

Пасет, а сам боится,
Гляди, укусит гусь.
И тоже хлопцу кличку
Придумали: Исус.

А младший сын — четвертый —
Совсем еще был мал.
Для шуток и насмешек
Помалу подрастал.

Замурзанный, немытый,
В отцовском картузе:
Галчонком на деревне
Его дразнили все...

Жила да поживала
Бедовая семья,
А что за жизнь — известно:
Ни небо, ни земля.

Про хлеб слыхали часто,
Да ели не всегда,
Одно — что воздух вольный
И вольная вода.

И так жила, кормилася
Семья немало лет.
И только власть советская
Дала ей жизнь и свет.

Нужду их вековую
Прогнала за порог
И много указала
Сынам путей-дорог.

Они уж возмужали,
Теперь их не узнать:
Они в своей державе
Теперь большая знать!

И первый сын, что прежде
Гонял овец кнутом, —
Не кто-нибудь — известный
Ученый агроном.

А сын второй, что с бабкой
Шатался со слепой, —
Теперь отважный летчик,
Прославленный герой.

А третий сын, что в детстве
Сердитых пас гусей, —
Артист, поет на сцене,
Чтоб жить нам веселей.

А младший сын в колхозе
Живет со стариком,
Он ходит бригадиром,
Ему почет кругом.

Отец — старик достойный,
Недаром прожил век.
И сам в колхозе нынче
Он знатный человек.

Гордится земляками
Родная сторона, —
Их прозвища забыла,
Но помнит имена.

Живет на радость людям
Могучая семья,
И все для ней доступно —
И небо, и земля!..

Записано в селе Закатном, Лиманского района, Донецкой области, Украинской ССР.

1187 ШОТА РУСТАВЕЛИ 1937

Ник. ТИХОНОВ

ПОЭТ И МИР

Из выступления на пленуме Правления Союза советских писателей в Тбилиси

Семь веков назад Шота Руставели написал по-грузински книгу «Вепхис Ткаосани».

Одни исследователи уверяли нас, что эта поэма изображает царицу Тамар, ближайших ее современников и борьбу за престол. Они об'ясняли нам, на кого похож Автандил, и что история скитаний Тариэля есть описание бегства Давида Сослани после убийства грузинского царевича Демны, что Фридон — это князь Юрий, сын Андрея Боголюбского, что Автандил и есть Руставели, свидетель и певец всех этих подвигов, а Тинатин и Нестан-Дареджан — одна и та же царица Тамар.

Другие считали, что вся поэма аллегорична, что действуют в ней не люди, а целые страны, что Нестан-Дареджан — это Византия, томящаяся в плену у мавров, у приморских вооруженных торговцев и у арабов, венецианцев и французских крестоносцев, что три витязя — это союз индусского и арабо-персидского Востока с Западом, что Тинатин изображает вообще Грузию, что Автандил и Тариеэль — разные состояния самого Руставели.

Третьи толкователи ищут совершенной точности и доказывают, что события переданы в поэме так подробно и близко к первоисточнику, что можно узнать и места действия и героев. Но при этом разборе оказывается, что Тариэль и Нестан — турки, что Автандил и Тинатин — сирийские арабы, Фридон — грек, Фатьма и ее муж, купец Усен — итальянцы, что образ Автандила создан из рассказов о Саладине, а образ Тариэля представляет копию Джелал-Эд-Дина, замечательного героя мусульманского мира.

Догадки, иногда очень остроумные, приводили к заключению, что Гуланшаро—это Венецианская республика, Мулганзанзари — Трапезундское королевство, что правитель каджей, т. е. Мавритании, не кто иной как Магомет, сын Мансура и т. д.

Но география, приведенная в поэме, настолько фантастична, настолько в духе времени, что в ней не так легко разобраться. Она именно в духе времени, потому что географические карты XII века и примечания к ним — нечто удивительное по фантастике. Даже не понять, как люди ими пользовались.

Стоит ли искать в поэме особой точности в этом направлении? Когда разгневанная Давар отсылает Нестан, она приказывает:

...к пупу моря занеси без следа,
Чтоб мечтою там для мерзкой стала
пресная вода,

или говорит Тариэль: «Целый год не расставался я с пустыней водяной». Тут можно одинаково плыть и на запад по Средиземному морю и по Красному и по Иранскому. Год — срок не малый!

Карта тогдашнего мира была столь же нереальной. Карта, по которой двигались крестоносцы в Палестину, была снабжена, например, следующими примечаниями:

«Рай — на крайнем востоке. Есть там древо познания добра и зла. Древо сие действительно видимо и телесно, как и всякое другое дерево.

Круг земной. Кругом земным называется он по круглой своей форме, так как он вроде колеса. Со всех сторон обтекает его по кругу океан и делит его на три части: на Азию, Европу и Африку.

Индия. Муравьи величиной в собаку охраняют золотой песок.

Эфиопия — эфиопы четыре глаза имеют, и это ради меткой стрельбы».

Если на карте очертания того мира, в каком жил Руставели таковы, то что делалось в самом этом мире, если взять его шире тогдашней Грузии?

Войны велись тогда по самому ничтожному поводу. Города и селения грабились временным победителем. Никто не мог поручиться за завтрашний день. Без оружия опасно было ходить по улицам. Ни законы, ни постановления церкви не играли никакой роли. У алтарей только наивные могли искать пристанища. Разбойники обложили дороги. Духовенство плюнуло на все заповеди и вело такую же буйную и странную жизнь, как рыцари. Казалось, что мир возвращается к древнему хаосу, — сказал человек того времени. Оборванные, грязные толпы спешили со всех концов в Палестину замаливать грехи свои и чужие. Герцоги в лохмотьях, под которыми сверкали кольчуги, днем шли в пыли, вопя молитвы, вечером пили из золотых кубков вино и дрались друг с другом.

Все города укреплены, всюду часовые. Пыль на дороге. Это стадо или враг?

По всей Европе бродили одичавшие люди...

Бедствия, пишет историк, являлись в столь разнообразных формах, что едва ли чей ум мог постичь их вполне.

Европой проходит страшный голод, моровая язва, чума. Страны охвачены кошмарами.

В таком веке жил Руставели, и на его родине, удаленной от средней Европы, происходили те же явления. Через двадцать лет после смерти Тамар Грузия исчезла под напором огромных монгольских орд, чтобы три века жить в рабстве.

Авантюристы, прекрасные женщины, безумные рыцари, торговцы, палачи и шпионы — вот герои того времени на грандиозном плацдарме от Индии до Кордовы.

Руставели не могли не потрясти два события, оказавшие огромное влияние на умы того времени: взятие Иерусалима Саладином и Византии — венецианцами и французскими крестоносцами.

Это были очень страшные времена. Пытки сменялись веселой серенадой. Люди рубились на улицах так, что летели клочья, и ради очей прекрасной дамы на целые годы уходили в скитания. Крестоносцы, нося на груди крест, громили храмы Византии, вводили в алтари лошадей и мулов.

Но не было пророческих и ясных голосов. Не было ни поэтов, ни писателей, таких, которые могли бы сказать народам слово правды. А поэтического в жизни было очень много. Люди жили выдумкой, сном...

Руставели, полный любовных песен, силы и страсти, на фоне этой эпохи встает в особом освещении. Вокруг него суровый аскетизм отшельников, разгромленные еретики, мистицизм и суффический и христианский, битвы и странствия, мир Ислама, мир Греции и Рима.

Руставели был человеком своего времени, но уже увидевшим через голову современников, через страшные туманы своего века чистое небо Возрождения.

Среди человечества, впавшего в младенчество, потонувшего в суевериях, в догматике, в аскетизме, в растерянности, в ожидании последней картины страшного суда, среди потоков крови и неслыханных преступлений Руставели сохранил человеческий голос и ясный взгляд. Он написал обращение к будущему, к людям, связанным лучшими, что есть в человеке, чувствами. Он сказал о неиссякаемой человеческой верности в любви и в дружбе. Народ взял его слово и сохранил его в течение самых мрачных столетий, которые видела его родина.

Был ли Руставели монахом, ученым, историком, корпевшим над хрониками? Нет! По-моему, он был средоточием этих знаний. Но был он поэтом, певцом, как мы понимаем это слово, как весь мир понимает это слово, еще со времен великого Гомера.

Он любил живое, лучшее, что было в человеке и в воображении человека, лучшее, что было в истории его эпохи. Он создал в своей поэме характеры народные и многосторонние.

Проводниками людей любовь и дружбу провозгласил Руставели. Он изобразил чувства глубокие, спасительные, людей, не верящих в чудесные сказки, добивающихся своего счастья упорной борьбой, воспитанием души и верой в друзей.

Друг для друга да послужит, не щадя
себя ни в чем,
Должно сердцу быть для сердца и
дорогой и мостом.

Удивительна не сложность композиции поэмы Шота Руставели, а ее стройность. Молодость нового мира, пришедшего в кровавом тумане средневековья, дышит в этой поэме живой страстью людей, вышедших из темных ущелий религиозного фанатизма, из бешеных варварских набегов, из бессмысленности догмы к иному свету.

Сильный и здоровый человек призывает к борьбе за свое право свободно дышать, жить, любить, странствовать, трудиться в мире.

Все народы могут найти в этих фигурах пример такой борьбы. И еще они прочитают в главах поэмы о горячей любви к родине, о защите ее перед угрозой вражеского нашествия, о битвах за ее честь.

Правдоподобие рассказа иногда заменяется фантастическим описанием происходящего. Бывает и так: когда крепость каджей взята после страшного боя, оказывается, что убито всего сто сорок человек.

Мой рассказ необычайный только
истиной богат,
Коль обрушится обильный ливень
с облачных громад,
То в трепещущих ущельях все потоки
закипят,
Но когда вольются в море, только гладь
увидит взгляд.

Было в самой Палестине время, когда Иерусалим, Иоппе (Яффа), замок Каифы имели всего гарнизона триста рыцарей, и они держались. Это были особенности того времени, тех армий, того вооружения, что давало преимущество одиночному опытному борцу против далеко превосходящего его противника.

Многообразна по содержанию поэма Руставели. Мы с удовольствием прочитываем ее и лишний раз видим, как велика сила настоящего искусства, перешедшая века и донесшая до нас голос человека, стоявшего на передовых постах культуры, против черных варварских орд. В этой поэме было обещание, которое время выполнило. Но в ней сейчас лежит залог того, что никогда, если считать Нестан символом и, скажем, символом Грузии, никогда эта Нестан не будет похищена новыми каджами. Никакие, как бы они ни именовали себя, новые хатайцы не посмеют притти на вольную землю советской всеобщей родины.

Наши Тариэли и Автандилы совместили и физическую силу старых рыцарей и свойства самые магические: поражать врага с воздуха и даже на его территории. Но это уже речь о новой поэме, для которой в свое время найдется и материал и поэт.

На примере Руставели видим мы, как сбылся его верный афоризм:

Что отдашь — твоим пребудет, что
оставишь — пропадет.

Он отдал временам, народу свою поэму, и народ, обогатив ее своим вниманием, в продолжение семисот лет отдает дань любви своему далекому вестнику.

ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Симон Чиковани

Семь веков отделяют нас от Руставели, но в сердце грузинского народа не утихает трепет его пленительных стихов. Все так же сверкают метафоры и неувядаемые образы, созданные пером гениального поэта, веками воспитывающие вкус грузинского народа, двигавшие вперед его культуру.

Руставели в грузинской поэзии — далеко не раскрытая тема, требующая долгого изучения. К сожалению, до нас не дошли сведения о первых учениках Руставели, о первой волне его влияния на грузинскую поэзию. Лишь начиная с XVI века, находим руставелевские традиции у грузинских стихотворцев, переводчиков. Грузинские переводчики классических поэтов древнего Востока, приступая к работе, всегда обращались к Руставели как вдохновителю, щедро пользуясь готовыми образцами эпитетов, метафор, а также стихотворной формой «Витязя в тигровой шкуре».

Поэты Теймураз Первый, Теймураз Второй, Арчил и другие в своем творчестве многим обязаны поэтическому рисунку Руставели Правда, в эту эпоху идет переоценка руставелевского наследия. Не замечая исторической правды в основах поэмы, авторы критических рассуждений в стихах выступают против сюжетного замысла руставелевской «фантастики». Они требуют от поэтов и стихотворцев описания жизни царей, подвигов полководцев.

Руставели был по-настоящему близок народу. Мамука Бараташвили, Арчил отчасти чувствовали это, когда посвящали восторженные строки певцу Тариэля. Но большинству поэтов того периода не по силам была народность Руставели, сумевшего сочетать возвышенность поэтического сказа с обаятельной простотой народного языка. Поэтому Арчил в своем произведении «Спор Теймураза Первого с Руставели» так характеризовал поэтическую речь Руставели: «Ты соединил высокое и низкое и собрал воедино все наречия». Арчил ставил даже в вину поэту XII столетия якобы чрезмерное его увлечение джавахетским наречием.

Творческий подвиг Руставели более, чем другим поэтам, был понятен великому скитальцу грузинской поэзии Давиду Гурамишвили. Как бы в ответ Теймуразу Первому, оспаривавшему первенство у Руставели, Гурамишвили пишет, что он не нашел у других поэтов строк, подобных руставелевским. Руставели был для него Виргилием. Молодой поэт, только что бежавший из лезгинского плена и собиравшийся в неведомую страну, обращается к своей судьбе с горячей мольбой, совпадающей с молитвой Автандила. Как Автандил в Муханзанарской долине доверил свои мысли семи планетам, так и Гурамишвили в стихотворении «Бегство Давида из плена» обращается к семи планетам. Гурамишвили берет у Руставели определение подвижника любви, воина и друга, вкладывая в свою лирику аналогичные воззрения на долг человека.

Унаследовав от Руставели тягу к народному языку, Гурамишвили демократизировал грузинский стих.

Вдохновленные образами «Витязя в тигровой шкуре», Григол, Вахтанг, Орбелиани посвятили свои лучшие стихи Руставели и его эпохе.

Особо выделяется совершенством формы и свежестью руставелевской традиции стихотворение Орбелиани «Лик царицы Тамар в Бетанийском монастыре».

Большое влияние Руставели оказал на любовную лирику Александра Чавчавадзе. Сквозь строки его известного стихотворения «Кто не раб твой, любовь?» просвечивают строки Руставели. Чавчавадзе часто вспоминает Нестан и Тинатин в своих песнях любви.

Но всего полнозвучнее становится подлинный голос Руставели в мироощущении и в думах замечательного поэта-романтика Николоза Бараташвили.

Правда, Бараташвили нигде не вспоминает о Руставели, нигде не обращается к нему в минуты вдохновения. До последнего времени этот крупнейший поэт считался близким Байрону, Леопарди, Баратынскому, Тютчеву Однако внимательный взгляд обнаруживает у Бараташвили знакомые черты зачинателя грузинской поэзии, автора «Витязя в тигровой шкуре».

Бараташвили, подобно Гурамишвили, поэзия влечет как отрасль мудрости, но в своих стихах Бараташвили гораздо глубже связан с внутренним миром Руставели.

Эпический размах и народность Руставели стали заветной целью поэтов последующих поколений. Акакий Церетели, Илья Чавчавадзе, Важа Пшавела впервые толкуют, изучают гениальную поэму, открывая все новые и новые богатства руставелевского наследства. В статьях и докладах, посвященных Руставели, впервые показывают грузинской читающей публике, с детства знакомой с поэмой, ее сокровенный смысл и расценивают ее как огромный фактор национальной и мировой культуры.

Акакию Церетели наиболее дороги были в поэме отражение грузинской действительности и народность руставелевского стиха.

Свет-душа, открой однажды
Твоего напева тайну,
Утолил бы сердца жажду,
Стал бы я певцом народа.

В героях Руставели Акакий Церетели видит борцов за освобождение родины.

Автандилу и Фридону
Я о немощи кричу,
Руку дали бы друг другу,
Стали бы плечом к плечу.
Ведь Нестан в плену у каджей,
И от нас спасенья ждет.

Акакий Церетели не мыслит руставелевских образов вне счастья отчизны. Он всю жизнь стремится к тому, чтобы воспитать для Грузии новых Автандилов и Тариэлей. Недаром в 1906 году поэт в своем «Послании кахетинцам» предчувствует, что страна Автандила и Тариэля родит человека, который будет героем трудящихся всего мира

Важа Пшавела, подобно Руставели, создал титанических героев, возродив героический эпос.

Батальные сцены Руставели своеобразно повторились в творчестве Важа Пшавела в схватках горных богатырей. В самом звучании стиха ратных былин Важа Пшавела слышится могучий рокот руставелевских строф.

Из века в век вдохновлял для творческих битв грузинских поэтов великий Руставели. Поэт гуманизма, воспевавший любовь, дружбу и героизм, дорог, близок и понятен советскому народу. Он учит побеждать природу, любить дружбу народов, быть бодрыми в борьбе с врагом за радостную жизнь. Еще в XII веке он завещал мудрость поэзии, требуя от поэтов ясности и народности. Этими своими заветами вечен Руставели.

КАК Я ПРЕДСТАВЛЯЮ СЕБЕ РУСТАВЕЛИ И ЕГО ГЕРОЕВ

Ладо Гудиашвили

По своему значению, размерам и влиянию на умы людей поэма «Витязь в тигровой шкуре» так же велика и монументальна, как велики и монументальны удивительной красоты памятники материальной культуры древности, разбросанные в Грузии и по всему Закавказью.

Величие произведения Руставели я особенно остро ощущал на своей родине, в деревне, среди гор, окружающих Казбек. Здесь, в оторванных от культурных центров горных аулах, мне впервые пришлось услышать имя нашего бессмертного поэта. Свободолюбивый рыцарский дух, умение владеть конем и оружием, по мнению горцев, составляют основные качества мужчины. По этим качествам судит горец о людях. Арбитром, ценителем этих качеств в представлении горцев является Руставели.

Если человек совершил героический поступок — спас товарища во время снежного обвала, вступил в единоборство с медведем, крестьяне вместо похвалы цитируют строфы Руставели, в которых говорится о верности другу, о смелости, отваге. Некрасивый, недостойный поступок, низость души вызывают строгое осуждение, и из сокровищницы Руставели горцы тотчас приводят соответствующие случаю строфы.

Лира Руставели вечно звучит среди народа.

Руставели был высокообразованным писателем, философом, поэтом. Чтобы понять и оценить его философские взгляды, понимание общественного и государственного уклада, нужны многие годы серьезных научных изысканий В то же время Руставели—человек, близкий народу, живущий в народе более семи веков, не оставляющий его в дни горестей и радостей Этот глубокий знаток изящной литературы своего времени, стоявший на высших ступенях феодальной иерархической лестницы, черпал свое вдохновение из истоков народного творчества. Месхето-Джавахетия, где протекала его жизнь, была в средние века самым развитым культурным районом Грузии Там кипела народная жизнь, туда стекались дипломаты, поэты, писатели, певцы из соседних стран, создавался дух грузинского народа, запечатленный в бессмертных страницах «Витязя в тигровой шкуре».

В моем представлении герои, воспетые Руставели, жили в гуще народной. Вряд ли какая-либо другая книга в мировой литературе живет так долго среди широчайших народных масс, как книга Руставели. Поэтому при оценке произведения Руставели необходимо познакомиться со всем, что создал народ вокруг его имени. Легенды и сказания о «Витязе в тигровой шкуре» и его авторе — единственно живой источник к познанию личности Руставели, — письменные источники не оставили о нем почти ничего.

Влияние народного творчества мы видим в роскошных исторических памятниках эпохи Руставели.

Монументальные сооружения древности, о которых с восторгом говорил академик Марр, созданы гением и трудом народа. Из народа вышли безымянные архитекторы, авторы таких грандиозных сооружений, как пещерный город Вардзия, авторы миниатюр, украшающих поля древних рукописей. Поэтому, приступая к изображениям Руставели и его героев, я прежде всего обращаюсь к народным представлениям о них, к той исторической традиции изобразительного искусства Грузии, которая имеет своим главным источником народное творчество.

Народное творчество глубоко реалистично. В лице Руставели оно видит гения, наделенного величайшим мужеством и доблестью, и в то же время народ видит в Руставели живого человека, которому присущи все человеческие страсти

Руставели представляется мне человеком, который к моменту создания поэмы достиг зрелого возраста, когда борьба страстей уже утихает в душе. Он успел пройти суровый жизненный путь и спокойно взирает на прошлое и настоящее, вперив пытливый взор в будущее. Таким я стремился изобразить Руставели в моих картинах. Длинный свиток бумаги лежит перед ним, огненные строки поэмы одна за другой ложатся на бумагу.

По идеям и событиям, развертывающимся в поэме, Руставели принадлежит и Западу и Востоку. Его герои путешествуют по всему миру. В то же время блестящая грузинская речь его поэмы, образы, описание событий — на всем этом заметно влияние характерных черт грузинского народного творчества. Если влияние Запада проникало в Грузию преимущественно через книги при посредстве духовенства, — влияние Востока на народ было более непосредственно, сильно. Преломляясь в специфической грузинской атмосфере, это влияние принимало своеобразные формы, отражаясь в оборотах речи, обстановке, одежде. Поэтому я представляю себе Руставели в высокой восточной шапке, одетым в широкие одежды, общие для Грузии и Востока. Но восточная одежда несомненно приобретала в Грузии своеобразные народные черты.

Еще до революции я начал изучать древнюю грузинскую стенную роспись в Мцхетском соборе и других местах. В иллюстрациях знаменитого грузинского рукописного псалтыря, в изображениях, которыми украшены стены старинных храмов и дворцов, я находил черты для создания портрета Руставели, Тариэля, Тинатин, Автандила и других действующих в поэме лиц.

Чрезвычайные трудности представляет для художника работа над изображением героев Руставели, их титанической борьбы с роком и врагами, преградами, которые им ставит жизнь Руставели ставит своих героев в самые безвыходные положения, из которых они выходят победителями благодаря своему исключительному свободолюбивому духу, не отступающему ни перед какими препятствиями

Как изобразить на полотне сцену борьбы Тариэля с тигром? Может ли человек вступить в единоборство с тигром и львицей и убить обоих? Как придать реалистические черты витязю, схватившемуся одновременно с самыми страшными в мире зверями? Но ведь Руставели, настоящий чародей слова, сам приходит на помощь художнику:

Меч откинув, устремился за
тигрицей золотистой
И хотел ее, лобзая, как любимую,
обнять,
Но она впилась с рычаньем в грудь
мне лапою когтистой,
В гневе хищницу повергнул, но не
мог ее унять.
Раз'яренная кидалась, тело мне
когтями раня,
И тогда ее с размаху бросил
наземь и убил.

Вокруг знаменитой поэмы между исследователями ее еще до Октября разгорелась ожесточенная борьба. Но за многие десятилетия этой борьбы не было накоплено достаточных данных для понимания поэмы. Только после установления в Грузии советской власти, в особенности в последние пять лет, найдены пути к истокам творчества Руставели. Вооружившись всем, что представляет в его распоряжение советская наука, художник может уверенно брать в руки кисть и смело следовать за Руставели и его героями.

Я изучаю Шота Руставели много лет. Но ни знакомство с народным творчеством, ни кропотливое изучение творений древних мастеров живописи не давали мне полноты ощущений, необходимых для работы художника, я замечал какую-то пустоту, которая отделяла меня от «Витязя в тигровой шкуре» По-новому понимаем мы и оцениваем гениального поэта только теперь Раскрываются общечеловеческий характер и устремления его героев В наши дни, когда народы Грузии и вместе с ними братские народы Советского Союза с такой любовью празднуют 750-летний юбилей Руставели передо мной раскрываются новые возможности художественного воплощения героев поэмы «Витязь в тигровой шкуре» и их бессмертного автора.

Акакий Хорава

Народный артист СССР, орденоносец, депутат Верховного Совета Союза ССР.

РАСЦВЕТ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Ведущие академические театры — им. Руставели и Марджанишвили, театр оперы и балета им. Палиашвили, великолепные национальные ансамбли народной песни, профессиональные театры почти в каждом районе, этнографические, колхозные театры, театры молодежи, юного зрителя, кукольные; студии, мастерские по подготовке актеров, режиссеров, театральных художников, консерватория, музыкальные техникумы, академия художеств, квалифицированные драматурги—такова картина, рисующая состояние грузинского театрального искусства, любовно выращенного большевистской партией, взлелеянного советским правительством.

Могли ли думать корифеи грузинского театра, такие мастера сцены, как Абашидзе, Эристави, Месхишвили, Гуния, Габуния, что грузинский театр может достигнуть такого пышного расцвета? Могли ли допустить даже в мечтах, что грузинский театр и его актер, в прошлом нищий, голодный, бесправный, всегда оскорбляемый, осмеянный, будет окружен такой любовью народа, заботой, достигнет таких творческих высот? В какой другой стране мира, кроме СССР, актер может быть избран депутатом верховного органа власти? Все эти вчерашние несбыточные мечты сегодня стали былью и фактом.

Советский строй создал все условия для расцвета национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Советская общественность дала блестящие отзывы о работе театров Грузии во время гастролей в Москве Ободренный вниманием, окрыленный высокой оценкой трудящихся, грузинский театр приступил к работе над постановкой пьесы драматурга Шалва Дадиани «Из искры». Пьеса написана на основе книги товарища Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» На сцене советского театра впервые показан образ вождя трудящихся всего мира товарища Сталина в период создания большевистских организаций Закавказья.

Мобилизовав весь свой творческий опыт и возможности, при поддержке партии, театр успешно разрешил поставленную перед ним ответственнейшую задачу — показать на сцене гениев человечества—Ленина и Сталина

Счастливый зритель, радуясь небывалому росту нашего театра, вместе со всей армией работников искусства, горячо и единодушно, всем сердцем приветствует того, кто создал счастливое настоящее и ведет к еще более счастливому будущему

Яков Николадзе.

Народный скульптор Грузии, орденоносец.

Дадим монументальные скульптуры

Работа над орнаментом известна в Грузии с древнейших времен. Обилие камней, хорошо поддающихся резцу, служило грузинским мастерам прекрасным материалом в их творческой работе. Наши древние мастера, эти своеобразные скульпторы, обслуживая архитектурное строительство своего времени, оставили блестящие памятники искусства. На некоторых храмах и других старинных постройках до сих пор сохранились барельефы архаического характера.

Довольно широко было развито чеканное мастерство.

В мрачные годы господства в Грузии царского самодержавия, в годы господства помещиков и буржуазии скульптурное искусство находилось в полном упадке. Скульптору, в сущности, нечего было делать. Я окончил в Париже Академию художеств, работал под руководством знаменитого Родена, затем вернулся на родину. За два десятилетия до Великой Октябрьской социалистической революции я исполнил всего одну работу — памятник крупнейшего грузинского поэта Ильи Чавчавадзе.

После Октябрьской революции годы проходят в кипучей творческой деятельности. Я получил возможность шире развернуть свою работу. Мною изготовлен монументальный бюст Фридриха Энгельса, поставленный в Кутаиси. В Кутаиси же поставлен исполненный мною памятник крупнейшему революционеру, соратнику великого Сталина — Цулукидзе В Институте Маркса—Энгельса—Ленина в Москве стоит сделанный мною скульптурный бюст Ленина. За последние годы мною созданы: бюст вождя народов великого Сталина, скульптура Сталина во весь рост и много других работ

Я начал свою деятельность до революции как художник-одиночка Сейчас же я с полным удовлетворением и гордостью вижу вокруг себя десятки работников моей профессии. В их числе с особенным удовольствием должен назвать своих учеников. Так, молодой, талантливый скульптор Мерабишвили по поручению правительства Грузии строит памятник бессмертному грузинскому поэту Шота Руставели Памятник будет поставлен в Тбилиси Правительство оборудовало для Мерабишвили специальное ателье.

Такое же ателье оборудовано для другого скульптора, Топуридзе, который строит памятник величайшему гению человечества — Ленину.

Среди молодых мастеров выделяются также ректор Академии художеств Силован Какабадзе, Рубен Тавадзе. По эскизам скульптора Тамары Абакелия исполнен фриз на одном из лучших зданий в Тбилиси, Институте Маркса — Энгельса — Ленина.

Скульпторы Грузии горят желанием дать еще лучшие произведения

Мосе Тоидзе

Народный художник Грузии, орденоносец.

Мастера кисти

Яркое солнце, обилие света, чистое ясное небо, девственные леса, снежные вершины Казбека, Тетнульда, Абула — такова Грузия.

Перед художником открывались великолепные панорамы, и все же до революции художник не мог воспринять этой красоты Природа угнетенной царизмом, бесправной Грузии была для нас мрачна и мертва.

Радостному творчеству мы, художники орденоносной Грузии, стали учиться в великую эпоху Ленина—Сталина. Теперь, как никогда, можем мы ценить красоты нашей свободной, счастливой родины. Мы только теперь знаем, что такое счастье. Наши помыслы, все наши старания направлены теперь к тому, чтобы быть достойными эпохи, дать картины, отображающие историю и героические будни солнечной Грузии.

Первым крупным шагом в этом направлении явилась работа художников Грузии над изображением эпизодов из истории большевистских организаций Грузии и Закавказья.

С гордостью могу сказать, что в основном художники Грузии хорошо справились с этим революционным заданием благодаря той большой помощи, которую нам оказали партия и правительство.

Художник Сидамон Эристави написал картину «Вышки зашевелились» из эпохи пребывания товарища Сталина в Баку. К той же эпохе, когда товарищ Сталин руководил революционной борьбой бакинских рабочих, относится и прекрасное произведение «Берегите кандалы, они нам пригодятся для царского правительства».

Этими знаменательными словами подписана картина **Макашвили**, изобразившего эпизод обращения товарища Сталина из окна Баиловской тюрьмы к группе революционеров, ссылаемых царским правительством.

Такие же волнующие полотна дали художники **Вепхвадзе, Цимакуридзе, Кротков**, молодые грузинские художники **Георгадзе, Копалиани, Хуцишвили.**

Сам я с большой любовью и пылом работал над своими картинами «Молодой Сталин выступает в защиту крестьян в Карталинии», «Встреча колхозников со Сталиным в Цхалтубо», «Сталин в Горках», «Сталин учит азбуке горийских детей».

Сейчас я работаю над картиной «Товарищ Сталин произносит речь на похоронах Цулукидзе в Хони»

Работа над этими картинами большого идейного содержания принесла творческий рост художникам Грузии Не останавливаясь на этом, мы должны создать новые, созвучные эпохе, полотна и мы их создадим. Тем много: природа солнечной Грузии—родины великого Сталина, прошлое грузинского народа, его замечательное настоящее и будущее

На смену нам, старым мастерам кисти, растут новые кадры талантливой молодежи.

По моему предложению организуется студия для поднятия квалификации художников. Старые художники хорошо помнят дореволюционное время, когда нам не было доступа в музеи, к хранилищам произведений искусства Сейчас при студии создается музей художественных вещей, ковров, костюмов, профессиональной одежды, доспехов, исторических предметов, предметов материальной культуры.

Молодым художникам, как и остальным художникам Грузии, предстоит разрешить новую почетную задачу — дать картины к двадцатилетию установления в Грузии советской власти К этой работе нужно тщательно и хорошо подготовиться Мы, художники Грузии, в ближайшее время соберемся коллективно посетить столицу Страны советов Пребывание в Москве даст нам новую закалку и расширит кругозор. Мы с новыми силами и темпераментом примемся за работу над картинами, рисующими борьбу за советскую власть в Грузии, неповторимые дни расцвета нашей родины — равноправного члена величайшей мировой державы Советского Союза.

Шалва Дадиани

Народный артист ССР Грузии, депутат Верховного Совета Союза ССР.

Моя пьеса «Руставели»

По предложению театра имени Марджанишвили, я написал новую пьесу «Руставели». В этой пьесе я придал великому поэту черты, которыми наделил его народ, черты, которыми, судя по последним историческим изысканиям, действительно обладал Руставели.

Первое действие моей новой пьесы рисует двор царицы Тамар. Светские и духовные вельможи взволнованно обсуждают очередное выступление Руставели на литературном поприще. Все возмущены мыслями, которые высказывает великий поэт в своих стихах.

— Руставели, — говорит один из беседующих, монах, — был сослан, получил прощение и, вернувшись, взялся за прежнее: пишет об агатовых глазах женщин, говорит, что женщина равна мужчине.

Придворных возмущают заявления Руставели, что раб — это человек, что рабов нужно освобождать

Особенно волнуется молодой феодал Эргаслидзе Он учился вместе с Руставели в Афинах и завидовал необыкновенным дарованиям Шота и его успехам в науках. Эргаслидзе пользуется удобным случаем, чтобы погубить Руставели.

В следующих актах мы видим Руставели в темнице Перед арестом крестница его спасает рукопись поэмы и передает ее Тамар

Устанавливается невиновность Руставели. Его освобождают, он является к Тамар и подносит ей свой труд. Но Тамар уже знакома с поэмой Она подает знак, раскрывается занавес, придворные актеры представляют перед изумленным Руставели инсценированный эпизод коронования Тинатин.

Взгляды Руставели находят отклик в сердце Тамар, государственный ум которой подсказывает ей необходимость борьбы против своеволия феодалов Несмотря на сочувствие Тамар и других передовых деятелей эпохи Руставели не может добиться перемен в социальном и политическом укладе Грузии Такова схема сюжета.

Руставели представляется мне человеком, стоящим гораздо выше своего века, страдальцем за свои мысли и идеи. Таким вывел я его в своей пьесе.

Шота Руставели

Витязь в тигровой шкуре

О царе аравийском Ростеване

Был в Аравии властитель Ростеван, избранник бога, —
Вождь бойцов, глава вассалов, укрепивший мощь свою,
Щедрый, мудрый, справедливый и законы чтущий строго,
Златоуст в часы беседы и отважный муж в бою.

Не имел владыка сына, но зато во всей вселенной
Равных дочери царевой нет и не было планет.
Кто ее однажды видел, тот терял покой мгновенно, —
Восхвалять ее могли бы только мудрый и поэт.

Царь Ростеван решает венчать на царство светозарную дочь свою Тинатин

Праздник во дворце. Ростеван с гостями отправляется на охоту. Идет состязание между Ростеваном и Автандилом, могучим витязем, чье сердце ранено царевной.

«Я попал — удар мой метче!» — «Нет!» — в ответ бросает кто-то.
Забавлялись и шутили, по поляне разойдясь.
И своих рабов подручных, соучастников охоты,
Царь спросил: «Не льстя, скажите: чья верней рука и глаз?».

Те ответили: «За правду не наказывай сурово!
Царь! Воспитанник любимый превзошел тебя, поверь!
Хоть казни за откровенность, но правдиво наше слово!
Пораженный Автандилом, на бегу валился зверь.

Царь арабов увидел витязя в тигровой шкуре

Охотники, тешась игрой, отдалились к реке, под сень скал и чащ.

Увидали: некий витязь плачет над рекой у чащи,
Льву подобный — за поводья держит черного коня.
На доспехах и на сбруе — жемчуга каймой блестящей;
По щекам струились слезы, инеем их леденя.

Шкура тигра золотилась на плечах поверх кафтана,
И из тигрового меха головной пестрел убор.
Плеть сжимал, запястья толще, с рукояткою чеканной.
Красотою незнакомца был пленен владыки взор.

Царь послал к нему слугу — просил быть желанным гостем Витязь, чьи мысли были далеко, безмолвствовал. Разгневанный царь приказал воинам своим задержать строптивца. Печален был удел смельчаков: их уничтожил всадник, лицом подобный светилу Ростеван и Автандил сами отправились вослед незнакомцу. Чудесный витязь в тигровой шкуре ускакал на своем быстроногом черном коне.

Кто он? Земное ли он существо? Что значило его появление?

Мысли о нем не дают покоя ни Ростевану, ни прекрасной Тинатин. Девушка, острия ресниц которой пронзали сердце, зовет к себе Автандила. Она печальна, лицо ее подобно хрусталю и лалу, и вот ее речь:

Ты таил глубоко чувство, но влюбленным слов не надо, —
Знаю, что мой облик в сердце у тебя запечатлен,
Что в отчаяньи слезами щеки леденил, как градом,
Что, зажженные любовью, ум и сердце взяты в плен.

На тебе лежит отныне долг высокого служенья:
Ты вассал, и среди смертных равного тебе ведь нет,
И к тому же — ты мой рыцарь — в этом, знаю, нет сомненья —

Так исполни порученье: разыщи строптивца след.

Станешь мне еще дороже, если пересилишь слезы!
Кем бы ни был незнакомец, должен ты его найти.
Для меня взрасти фиалки, по пути рассыпав розы.
Лев, вернись, и я, как солнце, встану на твоем пути.

Автандил отправляется на поиски

Несчастный, томимый мукой разлуки, нигде не может найти витязя в тигровой шкуре. Уже потерял он всякую надежду Тоска грызла его, и слезы лились по бледным щекам. Как вдруг ему повстречались три брата, рассказ которых вселил в его сердце надежду. Они видели хмурого и прекрасного незнакомца, чей лик сочетает в себе великолепие лала и хрусталя. На нем тигровая шкура. Под ним вороной конь-пегас.

Следуя их указаниям, Автандил выследил незнакомца. Тот спешился у пещеры. Тут его встретила девушка, такая же скорбная, как он сам. Таинственный витязь вскоре уехал, и Автандил проник в пещеру, чтобы расспросить о нем девушку.

Вырывалась, негодуя, побледневшая от гнева,
Трепетала куропаткой, увидавшею орла:
«Тариэль!» — кричала громко и звала на помощь дева.
Витязь, преклонив колени, клялся не чинить ей зла.

Ни слова не говорит она о тайне друга. «Нет!» — готова она повторять стократно, хотя бы ей грозили смертью.

Силой не выведать было тайны, и Автандил, в тоске, в слезах поведал девушке собственную повесть о неутоленной любви. Он был красноречив. Одержимый страстью, он сумел тронуть сердце Асмат — так звали жительницу пещеры — и пробудить в ней состраданье.

Тут вернулся безутешный, скорбный витязь, имя которого Тариэль. Посредничество Асмат сближает двух юношей, томимых одной и той же болью.

Сказ Тариэля Автандилу

Друг хочет знать, кто он, Тариэль? И почему так безутешно слезы льет?

Из Инда он, амирбар могучего владыки Парсадана, водитель воинов его. Нестан-Дареджан, единственная дочь царя.

И вот, однажды, вернувшись с охоты, Тариэль был приглашен царем к царевне, чтобы отдать ей добычу.

Памятуя, что царевну властелин скрывал доныне,
Я отстал. Парчи тяжелой распахнул завесу царь;
Я услышал приказанье, обращенное к рабыне:
«Турачей для Дареджаны передаст наш амирбар».

Вышла мне Асмат навстречу. За завесою под'ятой
Я увидел Дареджану. Грудь пронзило мне копье.
Отдал я Асмат добычу, словно пламенем об'ятый.
Горе мне! С тех пор в горниле сердце верное мое!

Где же ныне та, чьи очи солнце блеском затмевали?!»
Тут, сознание теряя, витязь голову склонил.

Иллюстрация художника И. Тоидзе.

Автандил с Асмат рыдали, эхом откликались дали:
«Был он страшен для героев, а теперь лишился сил!».

Родниковою водою Тариэля оживили.
В муке замирало сердце, обреченное скорбям.
Горько он заплакал; слезы, падая, мешались с пылью:
«Горе мне! Прекрасной имя страшно вымолвить устам!».

Родственные души у Тариэля и Автандила, и одна у них судьба. Оба, пронзенные солнцеликими девушками, они изнемогают от неутоленной любви. Нестан-Дареджан послала со своей служанкой Асмат письмо Тариэлю. Вот оно:

Прочитал письмо любимой, чье испепеляет пламя.
Солнца луч писал, сияя: «Раны, скрой, соперник льва!
Я твоя, но, ненавижу обессиленных скорбями.
Ты мои узнаешь мысли, выслушав Асмат слова.

Ни отчаянье, ни слезы не дают влюбленным славы!
Лучше подвигом отважным докажи, что верен мне.
Вероломство замышляют наши данники хатавы—
Можно ли простить измену возмутившейся стране?!

Быть супругою твоею — что скрывать! — давно желала,
Но решиться на признанье до сих пор я не могла.
На недуг, тебя сжигавший, с тайной горечью взирала,
Зная, что страданьям тяжким против воли обрекла.

Слушай искреннее слово: за кичливые угрозы
Накажи страну хатавов и вернись ко мне, герой.
Не рыдай! От долгих ливней лепестки теряют розы.
Я хотела бы, как солнце, в сумрак твой войти зарей».

Тариэль побеждает царя хатавов

Юный амирбар отправился в поход. Главные силы шли позади. Герой с небольшим отрядом поспешал вперед, чтобы скорее встретить врагов. И вот он встретил их, и разразился бой с царем хатавов Рамазом.

Скопище врагов рассеяв, словно ястреб стаю птичью,
Из людей и павших коней громоздил за валом вал;
Гладышем крутился каждый, став кровавою добычей.
Два передовых отряда я разбил и разогнал.

Но ряды смыкались снова, и на них кидаясь яро,
Насмерть поражал я дерзких и врагов в крови купал.
Как хурджин, с седла свисали рассеченные ударом,
И куда ни устремлялся, враг дорогу уступал.

С вражьей стороны раздался клич дозорных на закате:
«Отступать! Отбой! Мы стали ненавистны небесам!
Пыль вздымая облаками, движутся индусов рати.
Сокрушая все преграды, мчатся вихрем. Горе нам!».

Велико было торжество победителя. К нему опять явилась служанка царевны, Асмат:

От Прекрасной, равной солнцу, мне письмо она вручила.
Я прочел: «Твой блеск подобен блеску дорогих камней.
На коне, с войны вернувшись, поражай красой и силой —
Одиночество и слезы не страшны отныне мне.

Дан язык мне, чтоб достойно лишь тебе слагать хваленья.
За тебя приму погибель. Ты умрешь, сойду во тьму.
Гордый лев! Мои ланиты для тебя — как сад в цветенья.
Я твоя, и больше сердца не доверю никому.

. . . .

Подари чалму, в которой видела тебя недавно.
Может быть, в ней стать сумею радостью твоих очей,
А взамен бери запястье и владей им полноправно,
Пусть осветит мой подарок эту ночь среди ночей».

Сын Хварезмского владыки...

Образ возлюбленной всегда в сердце Тариэля. Смежив очи, он видит ее во сне. Однажды его позвали к царю. Царь с супругой приняли его весьма любезно и пригласили сесть у самого трона. Царь спрашивал совета приближенных: кто достоин быть царским зятем? Решено было выдать Нестан-Дареджан замуж за Хварезмшу, сына хварезмского владыки.

О, как жестоко терзался Тариэль! Препятствовать — не был он вправе. А, поддержав решенье, обрекал себя скорбям. И он молчал на совете. Нестан-Дареджан узнала о грозившей ей судьбе и велико было ее негодование. Она позвала Тариэля к себе. Как раз'яренная тигрица, смотрела она на малодушного.

Ты же знал, что хварезмийца мне судили нареченным!
Сам участвовал в совете и одобрил приговор.
Как ты смел нарушить клятву и обет, творцом скрепленный?!

Я тебе не дам пощады, обрекая на позор!
Помнишь, как, изнемогая, ты без сил стонал на ложе.
Врачевавших озадачил, боль сердечную тая.
Притворялся ты влюбленным и себя унизил ложью.
Ты отверг меня? — отвергну малодушного и я!

Тариэлю не стоило труда об'яснить возлюбленной свое поведение. Для чего бы он жил, разлученный с Солнцеликой? Молчание его на совете значит лишь, что он готов к борьбе и таит свои планы. Он сказал, что обречет на погибель хварезмийцев, лишь только они явятся в столицу Инда.

Отвечала: «Я по-женски рассуждаю. Подвиг бранный
Совершая, муж отважный даром крови не прольет.
Жениха убей, не тронув воинов его охраны, —
У творящих суд правдивый, даже посох расцветет!

Выслушай, о Лев! Из лучших ты — отважный и достойный,
Убери с пути пришельца, не зовя на помощь рать.
Не губи его охраны, словно скот на скотобойне, —
Витязю не подобает кровь невинных проливать».

Царь готовится отпраздновать достойно свадьбу. Сын хварезмского владыки движется в сопровождении войска и свиты. Владыка Инда ликует, обильные даренья со всей страны притекают к нему, золото, драгоценные камни, шелка, кони — все это предназначено в подарки жениху и свите его. Царь велел Тариэлю устроить прибывшим гостям ночлег. Не жалея сил, тот исполнил приказанье... Жених в столице. Жених невредим. И опять в гневе зовет Дареджан своего Тариэля.

Исполняя повеленье, я направился к любимой.
Встретила Асмат слезами, убиваясь и скорбя:
«Быть заступницей хотела, но судьба неумолима, —
Не хватило мне уменья, чтобы защитить тебя».

Мы вошли. Чело царевны бороздили злые складки.
Солнце не затмило б девы, — головою поклянусь!
Бросила в лицо: «Ужели уклоняешься от схватки
И, проворно отступая, клятву позабыл, как трус?!»

Я ответил, оскорбленный, полный гнева и упорства:
«Никому не быть преградой меж возлюбленной и мной!
Я не трус, чтоб женский окрик понуждал к единоборству!»
И решил убить Хварезмшу, в гневе возвратясь домой.

Челяди велел собраться, и с оружьем наготове
Мы промчались через город, лица от прохожих скрыв.
Ринулся к шатру Хварезмши, ослепленный жаждой крови,
И расправился со спавшим, даже меч не обнажив.

Разодрав шатровый полог, жениха схватил за ногу,
Головой о столб ударил презираемого мной.
Всполошились часовые, в стане подняли тревогу,
Я прорвался через лагерь, крепкой защищен броней.

Слух разнесся об убийстве. Кинулась вдогонку стража.
Настигавших хварезмийцев я на гибель обрекал.
И в наследственной твердыне, недоступной силе вражьей,
Я засел с моим отрядом за стенами, крепче скал.

Исчезновение Нестан-Дареджан

Царь возмутился, он пылал яростным гневом. В позоре, павшем на него и на страну его, он винил свою сестру Давар, воспитательницу царевны.

Донесли ему: «Безумец скрылся, убоясь закона».
Царь не выслушал посланцев, загорелся гневом взор:
«Тариэль любил царевну и, любовью ослепленный,
Кровь невинного проливши, на страну навлек позор!

Пусть Давар — сестра родная, я взыщу с развратной строго!
Дочь мою она сгубила сатанинской силой чар.
Потаскуха ей закрыла к добродетели дорогу!
Буду господом отвергнут, если пощажу Давар!».

Не бывало, чтоб властитель угрожал напрасно местью,
Он, замыслив наказанье, мог обрушиться, как гром.
Об угрозе властелина до Давар дошло известье,
Та была вдовою каджа и владела колдовством.

Давар поспешила к своей воспитаннице. Неистовствуя, она сорвала покрывало с кос ее, била нещадно, до крови. Послушные ее колдовству и ее приказам, выходцы из чужой земли схватили Солнцеликую, грубой осыпая бранью, и «морем увезли Светило под безвестные созвездья». Горько плакала Асмат, свидетельница похищения. Она явилась к Тариэлю черной вестницей, умоляя разлучить ее с жизнью, полной таких страданий.

«Мученица! — я сказал ей. — В чем вина твоя, не знаю!..
Поиски начать я должен, и не страшны для меня
Ни высоких гор преграды, ни пески, ни зыбь морская!»
Сердце стало в испытаньях тверже крепкого кремня.

И, еще не разуверясь, думал, муками томимый:
«Если я с собой покончу, изменю ли что-нибудь?
Надо взяться не помедлив за спасение любимой!
Подобрать людей надежных и пуститься в дальний путь!».

. . . .

Месяцы прошли, а мнилось, что прошли чредою годы.
Даже имени любимой услыхать не довелось.
Гибли ратники и слуги, испытавши все невзгоды.
Но, судьбу доверив небу, я не лил ненужных слез.

Снова к берегу причалил, не сумев достигнуть цели;
Не внимал ничьим советам, был угрюм и нелюдим.
Потерял я слуг немногих, что на море уцелели;
Все ж господь спасает смертных, хоть и шлет несчастья им.

Лишь Асмат со мной делила жребий горький и тревожный,
Два раба в живых остались, как последний мой оплот.
Больше о Нестан ни слуха, никакой молвы, хоть ложной!..
Только слезы — мой последний и единственный исход!

Третий витязь — Нурадин

Щеки светозарного юноши стали желтее шафрана. Нигде не слышал он о потерянной возлюбленной ни правдивых слов, ни сплетен. И потоки горьких слез он лил, продолжая кочевать из страны в страну.

И однажды, вдоль прибрежья, окаймленного садами, Тариэль увидел всадника на вороном коне. В руках у витязя был сломанный меч, по лезвию которого стекала кровь.

Был он на коне прекрасном, вынесшем его из сечи,
Позже в дар мне принесенном. И быстрей летящих стрел
Всадник мчатся по прибрежью Я послал раба навстречу
Передать: «О, лев отважный, кто тебя задеть посмел?»

То был Нурадин-Фридон из города Мульганзанзари. В битве со своими коварными родственниками, захватившими его владения, он потерял всех слуг и воинов своих. Нурадин защищал право и правду. Тариэль предложил ему свою помощь. Враги были разгромлены.

Нурадин видел Дареджану

Смелый витязь, милый друг, «мощью — лев, а ликом — солнце, станом — стройный кипарис» Нурадин-Фридон рассказывает Тариэлю о видении, открывшемуся ему в час веселой охоты.

Придержал я вороного, зорко всматриваясь в море,
Там на волнах тень мелькала, чуть маяча вдалеке,
Рассекала ширь морскую, быстротою с птицей споря,
И терялся я в догадках, повода зажав в руке:

«Что такое — зверь иль птица?..» Присмотрелся, — вижу лодка,
Многоярусным и пестрым парусом окрылена;
В ней колышется и блещет, как бесценная находка,

Паланкин, и в нем за тканью — ясноликая Луна.
На берег выходят каджи, черные, как смоль, матросы.
Деву вывели из лодки на прибрежье у скалы.
Очи девы — как зарницы, толщиною в руку — косы,

И она — для глаз отрада, выше всякой похвалы.
На нее взирал, любуясь, дрожь едва одолевая.
Девушка была прекрасна, словно роза на снегу.
Я решил ее похитить и помчался к морю, зная,

Что, пришпорив вороного, птицу обогнать могу.
Устремился через дебри. Конь летел, что было силы,
Прискакал на самый берег к набегающей волне.
Но таинственная лодка увозила вдаль Светило, —

И досада, словно пламя, обжигала сердце мне».

Дареджан! Несомненно ее, Солнцеликую, видел новый друг. Витязи клянутся найти ее. Тщетно об'ездили они чужеземные страны. «Не пришлось и слышать об уделе Дареджан».

Друзья расстались, рыдая. Нурадин подарил Тариэлю черного коня-пегаса.

Окончен грустный рассказ Тариэля. Автандил, клянясь ему в дружбе и обещая вскоре вернуться для новых, совместных, поисков, уезжает к своему солнцу, к Тинатин.

Автандил вернулся в Аравию

Рад приезду Автандила, Ростеван дворец покинул,
У ворот спаспета встретил, пышной свитой окружен;
Видеть славного героя было любо властелину;
Витязем полюбоваться люди шли со всех сторон.

Соскочив с коня, Ростену витязь поклонился низко.
Долгожданного спаспета властелин поцеловал,
И, возрадовавшись сердцем, повелитель аравийский
Автандила взял за руку и повел в дворцовый зал.

Не смолкали славословья Солнцу солнц от Льва над львами —
Брови — гишер, лик — хрустальный, роз алее — уст багрец.

Тинатин сияла солнцем, ослепляющим лучами.
Как тесна для них палата! Небо — вот для них дворец!

Витязь рассказал о встрече своей с прекрасным юношей в тигровой шкуре. Злоключения влюбленного и законы дружбы побуждают Автандила к новым испытаниям. Тинатин одобряет его решение.

Слово, данное собрату, для тебя ненарушимо.
Возвращайся же к скитальцу и исполни свой обет.
Подари ему надежду, разыщи пути к любимой,
Но, когда уйдешь, о Солнце, тьмой казаться будет свет!

И тайно от царя Ростевана Автандил покидает родину, чтобы исполнить обет дружбы.

Автандил находит Тариэля подле мертвых льва и тигра

Он снова видит Асмат, преданного друга. Девушка льет слезы «из затонов грустных глаз». Он целует и обнимает ее, как сестру, истомленную разлукой. Но где же Тариэль?

Он находит его в густых камышах; Тариэль бледен, кровь запятнала его лицо. Лев лежал тут же убитый. И неподалеку, поверженный на спину, распластался тигр. Витязь в тигровой шкуре хочет смерти. Надежда и силы оставляют его. И Автандил так говорит ему:

Мудрость нас ведет к удачам, и ясны ее заветы:
Ищущий в пустыне воду поддается на обман.
Дольний мир возненавидев, где найдешь источник света?!
Не нужна ведь перевязка не имеющему ран.

Кто хоть раз влюбленным не был? Чья душа не пламенела?
Кто не знал в любви печалей? Кто утрат не испытал?
Так уж водится на свете, но отчаянье — не дело!
Кто, пленяясь нежной розой, без шипов ее сорвал?!

Как-то раз сказали розе: «Красотой ты с лалом схожа,
Но к чему шипы на стеблях?» Роза молвила в ответ:
«Желчь вкусив, оценишь сладость; любо—что ценой дороже.
Если стыд теряет дева, никакой цены ей нет».

Тариэль безутешен.

Автандил взывал к собрату, неотступно и упорно:
«Если этот мир покинешь, разве ближе станет цель?!
Укрепись, воспрянь душою! Стать вратом тебе—зазорно!»
Но напрасны увереньи — непреклонен Тариэль

Тогда Автандил говорит о своей возлюбленной, с которой он расстался, едва только увидев. И ради дружбы он оставил родину, тайно, не послушавшись владыки. Неужели друг не оценит его? Речь его была сладкозвучна, подобно лире. Неужели он не внемлет ни его молениям, ни слезам столь преданной Асмат? Тариэль! Что случилось с ним? Лев и тигр, мертвые, лежат рядом... Пусть поведает он о себе

«Расскажу тебе подробно, что со мною было дале.
Ты же выслушай и вникни проницательным умом.
Ждал я твоего прихода, угнетаемый печалью.
Опостылела пещера. В поле выехал верхом.

Через заросли бурьяна склоном поднялся к нагорью.
Показалась вдруг тигрица, а за нею следом — лев.
Словно от четы влюбленных, оторвать не мог я взора.
Но, сменяя злобой ласку, звери вызвали мой гнев.

Нежно выгнулась, прижалась к льву могучему тигрица;
И, залюбовавшись ими, замер я, но в тот же миг,
Пасть оскаля, оба зверя начали жестоко биться.
Вдруг отпрянула тигрица. Мощный лев ее настиг.

Вновь ласкались, вновь сцепились и, сплетясь в смертельной схватке,
Лапами друг друга били, — не поймешь, игра иль бой.
Но тигрица ускользнула с хитрой женскою повадкой.
Лев метнулся к ней и наземь бросил в ярости слепой.

И тогда я крикнул зверю: «Не мужское это дело
Наносить любимой раны, в поединке одолев!».
Выхватив клинок из ножен, с хищником схватился смело.
Взмах меча, рассечен череп, — и свалился мертвым лев.

Бросив меч, я устремился за тигрицей золотистой
И хотел ее, лобзая, как любимую обнять.
Но она, рыча, вцепилась в грудь мне лапою когтистой
В гневе хищницу повергнул, но не мог ее унять.

Раз'яренная кидалась, тело мне когтями раня.
И тогда ее с размаху бросил наземь и убил...
Тут припомнил дни былые и с возлюбленной свиданья —
И от скорби сжалось сердце. Видишь слезы, Автандил?

Словно брату, я поведал, как тяжка мне жизнь земная,
Как измучен всем, что было, как отшельником я стал.
Бренной жизнью не прельщаясь, тщетно смерти ожидаю...»
Так рассказ закончил витязь и печально зарыдал.

Пути на восток и на запад

Дружеские увещания продолжаются еще долго после того, как оба витязя, томимые одной и той же лютой болью, приходят в пещеру к Асмат.

Не мужчина — кто в несчастье наземь падает, стеная!
Не склоняйся перед горем: ты звезду свою обрел.
Знай, что милостив создатель, хоть скупа стезя земная.
Поучайся, ведь известно: неуч — то же, что осел.

Говорит с тобой скиталец, горькой жизнью умудренный —
Я покинул солнце-деву, чтобы встретиться с тобой;
Ей сказал я: «Мукой друга мучаюсь испепеленный.
Для чего тебе я нужен, испытуемый судьбой?!».

Отвечала: «Непреклонный, как и должен быть мужчина,
Ты мне служишь тем, что другу верен, свой обет храня».
И с ее соизволенья я покинул властелина,
А когда тебя оставлю, трусом назовет меня.

И Тариэль уступил, наконец. Скитания в поисках любимой — удел его. Опять садятся витязи на коней.

Решено было, что один отправится к востоку, в страну Фридона, а другой — на запад.

Автандил приезжает к царю Нурадин-Фридону

Город Мульганзанзари раскинулся перед всадником. Он видит стены города, он видит в поле шатер царя, выехавшего на охоту. Он видит сотни воинов владыки, с трех сторон охранявших ставку.

Автандил, в рабе безмолвном угадав слугу Фридона,
Молвил: «Передай владыке — свидеться желает с ним
Некий чужеземный путник, на скитанья обреченный.
Доложи, что с вестью прибыл Тариэля побратим».

Восхищенный, принимает желанного гостя царь Фридон. С жадностью он слушает весть о друге. Он задает пиры, он устраивает охоту в честь дорогого гостя. Но гость торопится в путь.

Пребывая в этом царстве, развлеченьями прельщенный,
Он охотился с владыкой в диких зарослях степей;
Изумлял стрельбой из лука метких лучников Фридона,
На лету пронзая птицу, на бегу разя зверей.

Обратился он к владыке: «Выслушай меня, как брата:
Тяжело тебя покинуть — хорошо в твоей стране,
Но остаться здесь не смею: пламенем душа об'ята —
Слишком труден путь опасный, промедленье — гибель мне!

Кто с тобою разлучися, будет сокрушаться плача,
Но уйти мне все же надо и пройти немало стран.
Если медлим мы в дороге, помни, будет неудача!
Проводи меня до моря, где ты увидал Нестан».

Испытания на море

С горы, на морском прибрежном склоне, Автандил увидел караван вьючных верблюдов, купеческий караван. Он под'ехал к купцам, спросил учтиво, кто они и куда направляют путь свой.

Встал Усам, купец почтенный и водитель каравана,
В знак приветствия коснулся сердца, уст, потом чалмы:
«Ты великий утешитель, словно солнце, нам желанный!
Если выслушать захочешь, обо всем расскажем мы».

Рассказал Усам спаспету: «Мы торговцы из Багдада,
Чтим законы Магомета и не пробуем вина.
В городе царя морского нас увидеть будут рады:
И товар у нас отменный, и доступная цена.

☆

Окончание см. стр. 4.

☆

Иллюстрация художника Л. Гудиашвили

Шота Руставели
Витязь в Тигровой шкуре

☆ **Окончание. Начало см. стр. 3.** ☆

Мы нашли на прибережьи путника едва живого,
Привели его в сознанье и заговорили с ним:
«Странник, о своем несчастьи молви нам хотя бы слово!»
Он ответил: «Трудно верить, что остался я живым!

Ехали мы из Египта по дороге многолюдной,
А потом с богатым грузом пересели на суда.
Вдруг нагрянули пираты, и, тараня наше судно,
Потопили всех... Не помню, как добрался я сюда!

Лев, с лицом солнцеподобным! Мы в мучительном сомненьи —
Если будем ехать с грузом, что скрывать, боимся бед,
Повернуть назад — убытки и, возможно, разоренье.
Морем плыть весьма опасно, дальше ждать терпенья нет!»

Витязь отвечал: «Ничтожен, кто отчаялся и стонет,
Предначертанного свыше — никому не обойти!
Я поеду вместе с вами, вас тогда никто не тронет:
От любого нападенья буду защищать в пути».
Тут воспрянули торговцы, и водитель каравана
Восклицает: «Вот защитник! Для чего унынье длить?!
Что для нас теперь пираты? — с нами верная охрана!».
И они подняли парус, чтоб к морскому царству плыть.

В море Автандил дал бой пиратам. Он уничтожил их. Купцы в благодарность предлагают ему все свои богатства. Автандил отказывается и просит лишь, чтобы они снабдили его нарядом торговца и свято хранили его тайну.

Так, под видом купца, прибывает он в столицу морского царства, в Гуланшаро Фатьма, жена старейшины торговцев, пленилась им. Она пишет ему страстное письмо. Автандил смущен, но он готов испробовать все средства, чтобы выведать тайну Дареджан, известную в стране морской.

Фатьма, влюбленная и доверчивая, рассказывает о Дареджан. Чернокожие гребцы причалили однажды к берегу с пленницей столь прекрасной, что нельзя было отвести глаз от чудесного ее лица.

Фатьма пыталась купить пленницу, чернокожие отказали ей.

Убедясь, что мало толка в бесполезном разговоре,
Слугам крикнула: «Убейте!» Вмиг исполнили приказ:
Обезглавленные трупы были выброшены в море,
А захваченную деву привели ко мне тотчас.

Чтобы пленную восславить, во вселенной песен мало!
Я клянусь, что даже солнце стало б рядом с ней темней!
Нет руки, чтоб образ девы верной кистью начертала...
Жизнь свою была готова принести я в жертву ей!

Солнцеликая стала близка сердцу Фатьмы. Полюбив ее, как дочь, он берегла чудесную пленницу от жадных глаз. Но муж ее, болтливый Усейн, разгласил тайну во дворце у владыки, и царь приказал доставить ее к себе.

Царь был так ослеплен красотой незнакомки, что тут же назвал ее невестой сына, благородного, храброго, стройного водителя ратей. Как только вернется царевич из похода, будет отпразднована пышная свадьба. И уже для соперницы светил готовят ложе из литого золота, уже выткали ей одеяние, усыпанное самоцветами. Девять евнухов стерегут ее покои.

Страже молвила: «К удаче не приводит воля злая!
Чем достаться чужеземцу, верьте мне, скорей умру.
Пусть хлопочет ваш властитель, обвенчать меня желая,
Ни к чему и труб призывы, и веселье на пиру!

Что мне царский трон? Иная мне предрешена дорога.
Пусть прекрасен ваш царевич, не доверюсь я врагу!
Что мне царское желанье? — О другом моя тревога,
Я под этим чуждым кровом оставаться не могу.

Острый нож вонжу я в сердце и навеки успокоюсь;
И властитель в гневе выдаст вас для казни палачам.
Вот вам все мои богатства, что хранил потайный пояс!
Окажите помощь в бегстве, а иначе горе вам!».

Уступила страже перлы, драгоценные каменья,
Отказалась, не жалея, и от царского венца
И сказала: «Умоляю, укажите путь спасенья,
Возвративши мне свободу, вы обяжете творца!».

Помутили разум стражам драгоценные каменья.
Позабыв о наказанье, жадностью ослеплены,
Приготовились к побегу, из дворца скользнули тенью...
Вот, что золото свершает, — жезл из корня сатаны!

Золото, лаская взоры, смертному не даст отрады,
Алчностью томит до смерти, равнодушное к слезам.
Множась или убывая, ничему оно не радо,
Приковав к земному душу, путь закроет к небесам.

Евнухи не колебались, пленной оказав доверье.
Дали ей свою одежду, царскую сняла она,
И, минуя залу пиршеств, ускользнула тайной дверью...
Так избегла пасти Змея ясноликая Луна.

Она бежала к Фатьме, та вывела ей лучшего коня, — и Солнце скрылось.

Но вскоре узнала Фатьма, что каджи захватили деву.

Укрепленный город каджев, не подверженный невзгодам,
Окружен стеной высокой, и, как каменный оплот,
Высится могучий замок, путь к нему подземным ходом,
В башне дева и, как солнце, яркое сиянье льет.

Подступ к замку охраняет рать, испытанная в брани:
Десять тысяч ратоборцев, как один, вступают в бой,
Трое врат в каджетских стенах, по три тысячи в охране..
О, какие испытанья сердцу суждены судьбой!

Автандил, стараясь не выдать сокровенных дум, спрашивает о каджах: правда ли, что они духи, оборотни? Нет, они люди, «но скалистый их оплот несокрушим».

«Сплоченность и сила каджев кажутся загадкой, —
Эти люди в совершенстве знают чары колдовства.
Каджев рать непобедима, и в неравной с ними схватке
Смертный гибнет неизбежно, — так о них гласит молва.

Чудеса творить умеют: слепотою очи тушат,
Ими поднятую бурю кораблю не превозмочь,
По волнам ступают смело, захотят — моря осушат,
День заполнить могут мраком и сияньем ярким — ночь.

Каджами их называют лишь за колдовскую силу,
От людей они обличьем отличаются едва».
Витязь молвил: «Муку сердца ты рассказом погасила.
Как я счастлив, что услышал столь правдивые слова!»

Он открывает ей тайну свою, он умоляет помочь ему и другу его, Тариэлю.

Нестан-Дареджан пишет возлюбленному

Слугам Фатьмы удается проникнуть в неприступную башню к пленнице. Она дает им письмо к Тариэлю

«Милый, ты прочтешь посланье обо всем, что пережито.
Мне пером служило тело и чернилом желчным — жизнь,
А папирусом — то сердце, что с моим навеки слито.
Сердце сумрачное, с сердцем цепью вечною свяжись!

Видишь, милый, что творится?! Сколько в мире горькой были!
Как бы ни сияло солнце, мне не может быть светло.
Мудрецы, познав земное, жизнь недаром осудили.
Мне не выразить словами, как в разлуке тяжело.

Нас отторгли друг от друга мир глухой и злое время.
Мне не суждено увидеть радость на лице твоем!
Я тебе открыла тайну, мною скрытую пред всеми;
Как же быть, о милый, с сердцем, раненным твоим копьем?!

Мертвым я тебя считала и, охвачена тревогой,
Дни влачила, словно бремя, обессилев от борьбы.
Но теперь от счастья плачу, прославляя милость бога,
И не тяжко больше горе на весах моей судьбы.

. . . .

В замке я. Проклятой башни досягнуть не сможешь взором,
И у входа в подземелье, бодрствуя в ночи и днем,
Ратники стоят посменно многочисленным дозором
И несут врагам погибель, поражая их огнем.

. . . .

Пусть, отринув мира тяжесть, бог избавит от слиянья
С воздухом, огнем, землею и текучею водой,
Даст мне крылья для полета, утолив мои желанья, —
Буду днем и ночью видеть облик солнца золотой.

Без тебя не быть и солнцу, ибо ты его частица!
И, как лев, что в зодиаке, будешь связан с ним века.
Лишь тебя увижу с солнцем, сумрак сердца озарится.
Если жизнь была горька мне, смерть да будет мне сладка!

. . . .

Ты мне дал чалму в подарок. Вот обрывок этой ткани,
Скрасившей мою неволю в дни, когда постыл мне свет.
Это все, что остается от былого упованья...
Нам грозят смертельным гневом сферы всех семи планет!».

Еще нет победы, но уже совершился к счастью поворот судьбы. Нестан-Дареджан найдена.

Автандил доставил письмо Тариэлю

Увидев друга, Тариэль склонился без сил, ресницы его сверкали, как стрелы. Какую весть привез Автандил?

Автандил утешил друга, претерпевшего страданья,
И сияла при улыбке светлых перлов белизна:
«Слушай, о царевне пленной поведу повествованье.
Роза сохла, осыпаясь, вновь цветет теперь она!».

Тариэль ему ответил: «Ты пришел, очей отрада,
И душа моя восторга несказанного полна.
Ты приносишь исцеленье, — мне других лекарств не надо.
Сказано, что нет услады, если свыше не дана!».

И в волнении умолк он, верить вести той не смея.
Автандил тогда поспешно, не сдержав невольных слез,
Развернул посланье девы — той, что губы роз алее.
Тариэль кайму расправил и к губам ее поднес.

Штурм Каджетской крепости

Три верных друга, три витязя, столь прекрасных, что для сравнения годны лишь тополя в раю, и столь могучих, что льва убивают они, как козленка, — Тариэль, Автандил и Фридон отправились в страну каджей.

Будто путники, сначала ехали они нестройно.
Их ни в чем не заподозрив, не тревожима ничем,
Стража сонная взирала на воителей спокойно,
Но, к стенам приблизясь, каждый быстро надевает шлем.

Витязи, коней пришпорив, вихрем понеслись бесстрашно;
Слышат гул, смятенье, вопли из открытых тяжких врат.
И, рискуя жизнью, трое с трех сторон несутся к башням.
В городе трубят тревогу и ударили в набат.

И Каджетии достался в этот день тяжелый жребий.
Заслонил светило Кронос, низошла на землю мгла.
И, как выгнутая сфера, тяжело висело небо.
Громоздились груды трупов, на тела легли тела.

Иллюстрация художника М. Зиче.

Иллюстрация художника С. Майсашвили.

На врага наводит ужас Тариэль громовым криком.
Он кольчуги разрывает, рубит латы и щиты;
С трех сторон вломились в город в ликовании великом;
Рушат стены, бьются в брешах, валят камни с высоты.

Победа! Теперь уже ничто не разделяет возлюбленных.

Витязи подземным ходом вышли к башне Дареджаны;
Над Луной, обретшей Солнце, не имеет власти Змей!
Тариэль стоит без шлема, вьются локоны Желанной,
И она с него не сводит очарованных очей.

Трепета полны об'ятья, льются радостные слезы.
Так с возлюбленным Муштаром в небе встретилась Зуал.
В солнечных лучах алея, нежно пламенеет Роза, —
И в сердцах, познавших беды, свет навеки воссиял.

Тариэль к Нестан склонился и приник к устам любимым,
Лепестками алой розы как во сне завороже́н.
Зов услышав, вышли оба к верным дружбе побратимам,
И соратники-счастливцы деве отдали поклон.

Две свадьбы

Автандил воссел на троне повелителем венчанным,
Рядом — Тариэль прекрасный, украшение земли.
Для очей отрадой были Тинатин и Дареджана:
Мнилось, ближе купол неба, и два солнца низошли.

И для свадебного пира, по веленью властелина,
Агнцев и быков дородных закололи без числа.
Принесли гостям сановным царские дары по чину.
Двух цариц затмить сиянье и луна бы не могла.

На посуде и на чашах в драгоценном обрамленье
Изумруды и рубины блеском радужным зажглись.
Кто б сумел достойно свадьбе этой вознести хваленья?!
Каждый мог бы молвить сердцу: «Здесь останься, веселись!»

Музыканты оглашали залу звуками кимвалов,
И холмами вырастали золото и алый лал.
Лились, как потоки, вина ростевановых подвалов.
Длился пир с утра до ночи, но и ночью не смолкал.

Месяц длилось пированье, и, наконец, Тариэль, подобный в эту минуту розе, нежно раскрывшей лепестки, признается другу, что наступила пора новых испытаний. Разлука неизбежна — «Пала Индия и стала пастбищем для вражьих стад».

Он победил врагов и он отпраздновал на родине свадьбу с Нестан-Дареджан, и для друзей его — Автандила и Фридона — «были приготовлены два трона», и они оба явились к нему на празднество и воссели рядом.

Стол обильный обносили слуги в одеяньях ярких.
Справили по-царски свадьбу, не забыть ее вовек!
И со всех концов державы для гостей везли подарки;
Из сокровищ отделяли часть для нищих и калек.

Царедворцы величали Автандила и Фридона.
«Вы нам дали радость жизни!» — возглашали за столом.
Им служили, как владыкам, чтя их волю, как законы,
И спешила отовсюду знать в обширный царский дом.

Царь сказал: «Асмат, я знаю, ты болела нашей болью.
И того, что ты свершила, смертный в мире не свершал.
Отдаю тебе в подарок Индии седьмую долю —
Управляй и будь послушна нам, как преданный вассал!

Избери свободно мужа. Правь подвластною страною
И в согласье с нашей волей царствуй долгие года!»
Ниц упав, Асмат рыдала: «Осчастливлена тобою!
Верною твоей рабыней я останусь навсегда!»

Три могучих побратима проводили дни с гостями.
Игры играми сменялись, были трое, как один.
Одаряли их богато жемчугами и конями,
Но спаспет домой стремился к несравненной Тинатин.

Заключение

Завершился круг сказаний...

Поэт посвящает свой великолепный труд грузинскому царю Давиду:

Завершился круг сказаний, как виденье сна ночного.
Мир покинули владыки. Знайте бренность бытия!
Перед вечностью — мгновенье даже долгий срок земного.
Месх безвестный из Рустави, — создал эти песни я.

Божеству грузин — Давиду, чей всегдашний спутник — солнце,
Я слагаю песнопенья, чтя двора его устав.
От восхода до заката он, как грозный вихрь, несется,
Прямодушных укрепляет, вероломных разметав.

. . . .

Пел Хонели Амирана, а торжественный Шавтели
Подвиги Абдул-Мессии славил мастерским стихом,
Диларгета неустанно возвеличивал Тмогвели,
Тариэля — Руставели, горько плачущий о нем.

Мы даем отрывки из поэмы «Вепхис Ткаосани», об'единенные прозаическим изложением сюжета с тем, чтобы предварительно ознакомить широкие массы читателей с бессмертной поэмой Шота Руставели в новом переводе Г. Цагарели.

П. ПАВЛЕНКО

Манифест раннего гуманизма

Существует не мало книг, насчитывающих многовековую историю, но очень немногие из них сохранили свое значение поныне как образцы живой поэзии.

Одна из таких книг — «Вепхис Ткаосани» Шота Руставели.

Книга эта, в течение многих веков определявшая судьбы грузинской поэзии, жива, как мы знаем, и поныне в грузинском народе своими афоризмами, метафорами, стихотворной певучестью и тем большим, полнокровным, жизненным общечеловеческим содержанием, которое, не старея, переходит из века в век в качестве ценнейшего духовного наследия.

Перестав быть об'ектом вторжений мусульманских завоевателей, отвлеченных к Средиземноморью крестовыми походами, Грузия на рубеже XII и XIII столетий далеко расширила свои границы на восток и на юг. Бурный расцвет сельского хозяйства и международной торговли обогатил страну. Строительство дворцов, крепостей, мостов и храмов дало работу многим тысячам бедняков.

Грузия эпохи Руставели была наиболее передовым государством феодального мира. Грузинское феодальное общество, гораздо менее связанное путами церковных схоластов, чем западноевропейские государства, и сильное своими связями с иранско-арабской культурой, было носителем самых прогрессивных тенденций эпохи.

Поэтической декларацией этих тенденций и явилась поэма «Вепхис Ткаосани».

В былинном эпосе героями и неизменными обладателями счастья на земле являлись физически сильные, храбрые, бесстрашные люди.

К XII веку былинный эпос снижается, переходя в низший жанр — в оду по адресу многочисленных мелких государей.

Идеализация и гиперболизация физической силы героя, как единственного условия его успехов, стала пережитком. Другие идеалы встали перед передовыми людьми феодальной эпохи, и потребовалась иная поэзия.

Поэт, известный нам под именем Шота из Рустави, создал идеологический манифест своего времени.

Это была поэма «Вепхис Ткаосани». Она была именно идеологическим манифестом, а не просто зеркалом тогдашнего грузинского общества, как думают некоторые историки.

В поэме нет твердо обусловленной реальности общественно-бытовых отношений, как это мы видим в «Одиссее», откуда можем даже узнать, как сделано оружие героев, или в «Кольце Нибелунгов», где описаны подробно явства и распорядок дня рыцарей. Здесь именно декларация идей высокого нравственного идеализма, который назревал тогда в грузинском обществе.

Поэма Шота Руставели — книга новой этики и морали, и, следовательно, книга борьбы со старыми традициями арабо-иранской поэтики.

Шота в своей поэме заявляет, что он «перелагает» некое иранское сказание. Однако историки не находят в сокровищнице иранского эпоса ни одного произведения, которое хотя бы отчасти могло послужить подпочвой для Руставели. Мы должны отправляться от единственно точного — от бессмертных образов «Вепхис Ткаосани». В них, в их душевном строе, в круге их чувств и их идей мы только и можем почерпнуть материал для творческого понимания самого Руставели. Есть ряд фабульных совпадений в «Вепхис Ткаосани» и «Амирандареджиани». Руставели поступает примерно так же, как позже поступил Сервантес с канонами рыцарского романа.

Поэма Руставели должна была стать кодексом морали и чести для рыцаря конца XII века. Руставели воспевает борьбу за новые человеческие идеалы, за братство, дружбу и любовь — в этом его отличие от иранских предшественников.

«Иранский героический эпос не знает любви, а иранские романы не знают героики», — совершенно верно замечает тов. Адейшвили. Любовь — несчастье по иранским литературным взглядам. Влюбленный — это безумец, бродяга, неудачник.

А Руставели истолковывает и героику и любовь по-своему, показывая иные, более реалистические основания для развития личности, разрушая иранскую традицию во имя новых гуманитарных веяний.

«Вепхис Ткаосани» — первое реалистическое произведение средних веков, поскольку оно переводит рыцарскую героику из сферы сказочной символики в реальную бытовую обстановку и рисует живые человеческие характеры. Сам Шота выступает, как правдоискатель и сознательный воинствующий моралист. Во вступлении к поэме он по-новому рисует призвание поэта в обществе. Он ждет от поэта служения высокой страсти и свободе творчества.

Он говорит (цитируем по переводу Петренко):

Есть в поэзии теченье слов премудрых и святых,
Счастлив, кто благоговейно высоту ее постиг.
Весь простор могучих мыслей заключает краткий стих,
Тем прекрасна речь поэта, тем отлична от иных
Коль по длинным перегонам проверяют скакуна,
Коль по взмаху и размаху ловкость мячника видна,
То лишь тот поэт, чья песня, словно конь ему верна.
Осадить ее он должен, коль исчерпана она
Приглядись к певцу и песне: если речь его мелка,
То и рифма у бедняги неприглядна и редка
Что же речи не обрежет и словам не даст щелчка,
Если больше нет чогана для мяча у игрока?
Кто случайно два-три слова склеит рифмой тут и там,
Тщетно чтит себя поэтом, к славным тянется певцам
Сложит стих, другой приложит, хоть нескладность видит сам,
Но твердит: «Всех превзошел я и затмил» как мул упрям.
Есть иного рода песни — дара малого удел,
Что, сердца рассечь способных, слов составить не сумел.
Словно слабый лук подростка, перед хищником не смел,
Лишь на мелкую дичину тратя мелочь робких стрел.
Есть еще род песен, годный для забавников пустых,
Для любовных об'яснений, для пиров и шуток злых;
Эти песни нам любезны, если красит ясность их,
Но поэт лишь тот, кто в песнях величавости достиг...

В этом поэтическом манифесте звучит Виргилиево сознание силы поэта, свободы его суждений. Руставели указывает поэзии выход из дворцовой сферы на свежий воздух служения народу и этим опережает надежды и чаяния поэтов итальянского гуманизма.

Как всякое гениальное произведение, «Вепхис Ткаосани» складывается из нескольких тем. Это не только поэма любви, нет, это поэма доблести и чести, поэма дружбы, поэма пабратимства, верности и мужества.

Пафос мужества был присущ и иранской поэзии, но мужество, основанное не только на силе физической, а на духовной чистоте и духовном превосходстве, мужество, как воспитание индивидуальной добродетели мужество, в борьбе за справедливость и добро — впервые зазвучали у Руставели.

Перед нами два типа рыцарей — Автандил и Тариэль.

Автандил — менее сильный физически, тем не менее без Автандила, энтузиаста дружбы, человека более нравственного и мудрого, чем Тариэль, последний никогда не добился бы счастья. Автандил берет не силою, как древнеиранские богатыри, но внутренним своим содержанием, интеллектом. Он побеждает, потому что он передовой человек, несущий в мир идеи нравственного идеализма.

Тему любви Руставели также перелагает по-своему.

Любовь облагораживает его героев, наполняет добродетелями.

Из такого толкования любви вытекает и новое отношение к женщине.

В этом отношении интересен образ Асмат, верной сестры и друга Автандила и Тариэля, которая наравне с ними выполняет обет верности, переносит невзгоды, делит с ними тревоги кочевой жизни. Другой такой женщины-рыцаря, притом из народа, нет ни у кого, даже из поэтов позднего Ренессанса.

Давления церкви в поэме не ощущается, она свободна от ее схоластических пут.

Божество очерчено крайне смутно — нето бог огнепоклонников, нето высшее существо греков!.. Религиозный индиферантизм, полнейшее равнодушие к церковной обрядности делают Руставели гораздо более близким нам, чем Данте или даже Петрарку. Там попытки приспособиться, здесь презрительное равнодушие, родственное по духу тому могучему порыву, который позднее мы видим в творчестве Микель Анджело.

Религиозно-обрядовый индиферантизм «Вепхис Ткаосани» покоится на базе космополитизма. Герои Шота не знают национальных разделений, они не захватчики, а люди мира, их дружба определяется не религией или национальной принадлежностью, а только общностью взглядов и целей.

Ключ к этому надо искать в положении Грузии XII века, как государства многонационального.

«...знаменитая грузинская поэма, — говорит Марр, — возникла в определенной не только национальной, но и племенной среде в фокусе общекавказских культурно-исторических течений, в частности мусульманского и христианского живого, народного взаимодействия. И возникающая в связи с этим новая проблема состоит в необходимости раз'яснить факт культурного в древности содружества в крае мусульман и христиан, которые ныне по усиленному европейским односторонним христианским влиянием убеждению всех образуют два культурно-непримиримых, взаимно исключающих друг друга лагеря».

Христиане-грузины и армяне рука об руку с мусульманами, населявшими пространства Закавказья, в конце XII века создали свою культуру, гораздо более передовую, нежели культуры Ирана или средневекового Запада, истощаемого бессмысленными крестовыми походами. У мусульман появились Низами, Физули, Гургани, у армян — Давид Сасунский. Но первым плодом международного культурного содружества закавказских народов явилась «Вепхис Ткаосани» — скрижаль нового гуманизма.

Бессмертие Руставели — это бессмертие певца высоких чувств, певца долга, чести, дружбы, любви. Нравственный идеализм героев поэмы и по сей день привлекает к себе сердца читателей.

Руставели не случайно так любим в Советском Союзе. Нравственное благородство человека, первые ростки которого с титанической силой воспел Руставели, именно в наше время расцветает с особой силой в стране социализма и становится нормой поведения каждого.

Поэзия Шота Руставели, сохраненная грузинским народом до сталинской социалистической эпохи, — бесценный духовный дар всем братским народам СССР. Страна социализма — истинная родина гениев прошлого и гениев будущего.

Голос Руставели, пронесшийся в феодальном обществе первыми заповедями возрождения, не умер ни в пожарах, зажженных монголами, ни в пожарах, зажженных попами.

Сохранившись в глубинах народной души, он выжил семь с половиной столетий, дождавшись дня, когда над человечеством, далеко ушедшем от феодализма, занимается заря нового, социалистического возрождения.

Как бы непосредственно к нам обращены его слова:

Дети! Вашу жизнь пусть мерят мерою тысячелетий,
Пусть вам счастье улыбнется, и не знает больше мук,
Пусть над вами воссияет небо в беззакатном свете,
А мой прах земля засыплет, падая из ваших рук.

Об'единяя в себе все духовные сокровища, стоит Союз Советских Республик, самая могучая, самая благородная страна в мире, не только провозгласившая первые законы человеческих отношений, но и осуществившая их в жизни на одной шестой земного шара. Поэтому мы, народы СССР, — законные наследники Руставели. Искра, когда-то высеченная им, давно уже превратилась в пламя.

Огонь социализма закалил нас, выплавил из нас единый монолит, синтез всех культур, всех народов.

Социалистическое возрождение начато партией Ленина—Сталина. То, что некогда влекло поэтов, осуществлено политиками, вождями народов Советского Союза. Для поэтического гения открываются необозримые горизонты — петь о коммунистическом обществе, к которому мы уже идем и за которое боремся под руководством Сталина.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

КНИГА, ВДОХНОВЛЕННАЯ ГЕРОЯМИ

НОВЫЕ РАССКАЗЫ МИХ. СЛОНИМСКОГО

В маленьком северном городке Тотьме есть музей, посвященный истории округа. Здесь хранятся черепки глиняной посуды, остатки древних становищ, найденные в окрестных лугах, на берегу Сухоны. Здесь подобрана ценная мебель, служившая некогда местным купцам и помещикам. Здесь рядом, в контраст, показана жалкая утварь крестьянского обихода, нищенские плетения из бересты, кустарные орудия, которыми население пользовалось до самых последних дней, предшествовавших революции, и которые лишь немногим превосходили орудия бронзового или каменного века.

В последних, завершающих комнатах музея даны экспонаты новой жизни, колхозного расцвета, революционного преобразования быта, под'ема культуры, политического развития масс. И здесь, в этих последних комнатах, можно найти материалы, связанные с жизнью и героической гибелью красноармейца-пограничника Коробицына, крестьянина одного из сел Тотемского округа.

Память о нем священна. Славным именем его горды земляки.

Новая книга Михаила Слонимского «Пограничники» открывается большим рассказом о жизни и борьбе на берегу речушки Хойка-иоки.

Эта пограничная извилистая речушка, едва приметная среди пышных лугов, с травой «толстой, сочной и пахучей» — днем и ночью, в холод и зной, в хорошую и дурную погоду зорко охраняется дозорами и секретами наших красноармейцев. Застава всегда настороже.

...Часовой вышел на дозорную тропу. Он услышал хруст. Окликнул тихо, почти шопотом — «Стой!.. Кто идет?» Это оказался начальник заставы в длинной кавалерийской шинели. Часовой отрапортовал:

— «Товарищ начальник заставы, на участке ничего не замечено. На сопредельной стороне ходила по берегу девица, несла хворосту охапку. Часовой Коробицын».

Это тот самый красноармеец-пограничник, славой которого гордятся жители крошечного городка Тотьмы и многочисленных деревень, расположенных вокруг него. Он — главное действующее лицо в рассказе.

Андрея Коробицына только что призвали на военную службу, он хорошо и быстро усваивает боевую науку на заставе, очень завидует своим товарищам, столь же молодым, но уже числящим за собой одно, а то и два «задержания» нарушителей; очень обидно — Коробицыну решительно не везет: стоит ему смениться и передать вахту товарищу, — враг крадется; он обнаружен, он захвачен. За Коробицыным, впрочем, тоже числится одно «задержание», но то лишь корова с той стороны, совершившая слишком далекую прогулку. И, нечего делать, приходится при встрече с начальником заставы рапортовать о девице, в руках у которой охапка хворосту, не заслуживающая внимания.

Мог ли он знать, что эта, безобидная с виду, девица состоит в грозной шайке врагов и что, гуляя по берегу речки, она высматривает незащищенное место на границе.

Мих. Слонимский создал новую книгу на материале фактическом, с действующими лицами, перенесенными на страницы художественного произведения непосредственно из жизни. Известно: автор провел на заставах много дней, он сжился здесь с бойцами и командирами, он обстоятельно изучил их быт, их дух, условия их политического роста и совершенствования. Жизнь заставы познал он глубоко, с той необходимой полнотой и органичностью, которые позволяют художнику уверенно творить произведение.

До рассказов о пограничниках Мих. Слонимский — автор культурный и опытный — мог казаться несколько однотонным. Не было особой яркости и многообразия в его диалоге, нехватало убедительной краткости и красочности в его описаниях.

«Нет озер. Только Выга выплывает из болотистых ручьев, побеждая стоячие воды. А болота здесь обширны и коварны. Трясина вдруг окружает человека, ржавая вода вдруг раздвигает мшистые покровы, вязнет нога, и напрасен крик польстившегося на морошку и клюкву: ответит только эхо да встрепенется птица», — пишет он теперь, научившись в длительном общении с природой на заставах особой выразительности в пейзаже.

Действующие лица в книге говорят каждый на своем, ему одному присущем, языке.

Свой язык и у начальника заставы, и у командира отделения Лисиченко, спокойного и уверенного воспитателя бойцов, и у Коробицына, скромного и настойчивого деревенского парня с высоко развитым чувством долга.

Зорко стережет красноармейская застава границу страны. Автор отлично дает почувствовать, как все опытнее, надежней и крепче становятся наши дозоры, как все труднее приходится врагу, как делаются все непроходимее для него тропы по сю сторону.

Светлело уже утро. Близился час смены Коробицына на посту, и вдруг выросли перед ним три диверсанта с оружием, направленным прямо на него. Коробицын выстрелил, но винтовка шатнулась в его руках, потому что подкравшийся сзади четвертый враг ранил его в ногу. Коробицын упал на колено и выстрелил еще раз. Три вражеских пули впились в него, он свалился наземь.

«Решалась жизнь. Лежа на земле, не выпуская винтовки из рук, он всхлипнул и с земли прицелился в громадного мужчину, которого сразу же признал вожаком»

То был Пекконен, опытнейший диверсант, много вреда причинивший нашей стране, руководитель шайки шпионов, среди которых была и та девица, что появлялась на сопредельной стороне с невинной охапкой хвороста.

Коробицын свалил выстрелом вожака, он принудил врагов к отступлению — один против многих, уже смертельно раненный.

Память о лучших сынах родины никогда не потускнеет в советских сердцах, и подвиги их вдохновляют поэтов и художников.

В новой книге Мих. Слонимского не все одинаково удачно. Отличный рассказ — «Пограничники», хороши «Тревога» и «Западня», но «Экзамен» и «Веселый разговор», которыми заканчивается книжка, написаны поверхностно и торопливо.

А. Эрлих

ХРОНИКА ДВУХ ЗАВОДОВ

Без мечты не может прожить человек, и нет ничего горше несбывшейся мечты,— вот лейтмотив первой части книги. Он проходит в воспоминаниях и рассказах «о хитрых... стариках, которые каждую гору, каждый склон знали и все руды помнили», о безвестных геологах, изобретателях, художниках своего дела — рабочих людях Урала, жизнь и дарование которых были задавлены, затоптаны капиталистическим строем.

Эти коротенькие новеллы, композиционно несколько искусственно вплетенные в повествование, бесхитростны и трогательны по содержанию.

Один за другим возникают на страницах книги знаменитые в народе прокатчики, сталевары, граверы, которым негде было развернуть свое дарование и мастерство. Один режет замечательные фигурки из дерева, другой мастерит из шурупа шкатулочки небольшие, в ладонь, и в ней шестьдесят замков, так шкатулку нужно отпирать было до вечера». Третий всю жизнь ищет сказочный камень, от которого «исправляется, молодеет сердце» и который людям должен принести богатство и счастье. Четвертый изобретает такую машину, «чтобы утешался рабочий народ», чтобы «охлаждало его ветром.., потому что с детства знал, что такое для рабочего человека жар». Да не такую, как заграничные вентиляторы, — «там ветер гудит, навевает на человека угрюмость», а в эту машину была «вкручена музыка, как переливистый соловей, чтобы человек слушал, не забывал, что птицы есть».

Но машину его «потопили в пруду при старой власти».

Так пропадал труд, даже артистический, рабочего человека, так умирала вместе с ним его мечта.

Так пропадали дед и отец Новодворова.

А Сергей Новодворов, молодой советский инженер, когда его послали восстанавливать Нижне-Баштановский завод, говорит себе: «Строить надо завод, переворачивать всю человеческую душу».

«Так каждый, задумавший что-нибудь сделать, верит, что дело его перевернет жизнь людей в этом месте», — добавляет автор.

Вс. Лебедев умеет рассказывать о прошлом, вызывая глубочайшую боль за тех, чьи жизни отцвели, не распустившись.

И хотя старики Лебедева не борцы, а всегда безропотные мечтатели, все же в его рассказах о прошлом чувствуются простота и суровая нежность народной поэзии.

Но вот тем же певучим говорком воспоминаний автор рассказывает о наших днях, о людях, строящих социализм, о борьбе с классовыми врагами. И тут-то ритм повествования приходит в столкновение с ритмом нашей жизни, певучесть переходит в монотонность, в однообразие интонаций разговорной речи.

Врагов мы, собственно, не видим, а только слышим разговоры о них. Они притаились в одном из поселковых домишек, каждую ночь они беспрепятственно расхаживают по заводу, жителей пугает блуждающий по заводу огонек, наводя на них почти мистический ужас. По заводу ползут нелепые слухи, что вернулся старый хозяин завода, хотя всем хорошо известно, что он давно умер. И несмотря ни на что, враги долго остаются безнаказанными, загадочно неуловимыми. Потом так же неоправданно легко их ловят.

Да и вся-то история с похищением планов Новодворова-деда (планов залежей очень ценной и редкой руды — даринита) задумана несложно, мелко и недостаточно продумана в деталях. Это детектив, да и то малокровный. Все так гладко, легко и просто, — в последнюю минуту негодяев накрыли, как кузнечика шапкой. А вот секретаря сельсовета упустили. Между тем Сергей Новодворов из случайно подслушанного им разговора секретаря сельсовета с машинисткой знал, что тот связан с врагами. Создается впечатление, что случилось это только потому, что именно так удобнее было автору дальше строить свой рассказ.

Как ведут себя враги? В последнюю, решающую ночь, сидя в одном из цехов завода, как в ловушке, не будучи уверены, что им удастся ускользнуть отсюда с похищенными планами, они пускаются в длиннейший, откровенный, совершенно неправдоподобный в данных обстоятельствах разговор. А нужно это автору для того, чтобы читатель понял, кто они, что они затевают и где их гнездо.

Враг у Лебедева условен, призрачен, не видишь его в самых типических, характерных чертах, во всей его низости, подлости, мерзости, словом, во всей его контрреволюционной сущности.

А так как картонен враг, то слабо показана и борьба с ним.

Бледны и положительные персонажи романа. Эта неудача Лебедева тем более досадна, что здесь он хорошо знает то, о чем пишет, знает, чем дышит советский человек, как он изменяет природу социалистического труда. Знает, но не умеет показать.

Интересно задуман образ Гриши Тебенькова, восторженного, мечтающего собрать в шар все тепло вселенной, использовать теплый ветер пустынь.

Гриша не только мечтатель, он — замечательный сварщик, он знает литье и на мартене стоял, он хочет учиться, двигаться дальше.

Но все же люди наших дней — Сергей Новодворов, его жена Варя, да и Гриша Тебеньков даны больше в разговорах, а не в действии. Это еще эскизы, а не портреты.

У героев Вс. Лебедева пристрастие к размышлениям, к воспоминаниям, к разговорной речи в ущерб развитию действия. Отсюда расплывчатая сюжетная линия, некоторая сумбурность в развертывании событий, иногда даже просто неувязка.

Вс. Лебедев борется с канонами литературной речи. Новое черпает он в народном творчестве, в рабочем фольклоре, вливая оттуда свежую струю в литературный язык. Но в своих экспериментах он увлекается. Ему кажется, что он нашел свой язык, и он заставляет им говорить всех подряд. Диапазон же его языка очень невелик: у него одна интонация для деда Новодворова, для Гриши Тебенькова и для рассказа о том, как была поймана вражеская шайка.

И это однообразие раздражает, как раздражает порой и нарочитая корявость языка.

Вс. Лебедеву надо найти более четкую структуру для второй части повести, где положительные герои должны предстать во весь рост, где фигура врага заставляла бы читателя насторожиться, а не проходила мимо его внимания, лишь как некий нужный для хода действия отрицательный литературный персонаж.

В книге много опечаток.

М. Демидова

Всеволод Лебедев. «Мастера». (Хроника двух заводов). «Советский писатель», 1937 г.

ФАЛЬШИВЫЙ РОМАН

Требуется большая выдержка, чтобы прочесть до конца эту фальшивую книгу, пришитую на живую нитку к советской тематике.

У Скляренко в его романе «Пролог» все необычно. Его герой — гениальный изобретатель. Он с удивительной развязностью рассуждает о синтезировании белка, о музыке, о социальных проблемах, а в промежутках между этими учеными рассуждениями нежно пылает страстью к героине романа Лиде.

«Почему нет белка? Где пропорции, кислоты, механизм соединения и католизаторы, которые дадут нам белок. Я открыл глаза. Лампы слепили. Блестели столы, люстры, серебристая россыпь пенилась в шкафах. Искал ее, Лиду...

Она сидела совсем близко от меня, и я остро чувствовал эту близость. Грудь ее высоко поднималась. Я чувствовал прилив и отлив крови к ее сердцу, подобный прибою моря...

На нежных, бархатных лепестках дрожит роса... И эти цветы тоже наполнены белками. По веточке вверх текут нитраты... Они превращаются в белки. Это живой процесс в живом. А мы... Мы искали белок в лаборатории, забывая о том, что он образуется вокруг, за окном лаборатории... Беру руку Лиды. Рука ее теплая, нежная — дрожит. Поворачиваю голову к ней и встречаю ее глаза. «Спасибо, Лида, — говорю я... Я знаю теперь, как искать белок!»

Элементы подобной бульварщины разбросаны по всей книге. «Не бросай мне обвинения в том, что я романтик, лирик, влюбленный в мотыльковые вечера...

Вечера, когда мотыльки появляются над рекой, — это вечера любви. Жизнь для любви... Такова жизнь мотыльков — эфемер.

Полюбить только раз и умереть. Любовь — жизнь — смерть».

Герой имел тоже в своей жизни несколько «эфемерных» встреч. Но, заключает он, «эфемерное воспоминание не страшно».

Необычно и появление Лиды. Она приходит к герою и упрямо заявляет: «Я должна быть здесь. Я обязательно должна быть около вас».

Сущность изобретения героя заключается вот в чем:

«Мы получим все. Речь идет о последнем отделе химии. В науке произойдут колоссальные перемены. И это не «солнечная машина», которая может существовать только в романах, а научное решение проблемы.

Должен измениться человек. Жизнь сделается еще лучше, красивее, люди будут иметь больше сил и смогут делать больше полезного».

Герой поясняет: «Я увлечен самой идеей изобретения и потому не имел возможности подумать о его практическом применении». Добавим от себя, герой отличался также и технической неграмотностью. Если бы он удосужился заглянуть хотя бы в наши популярные журналы, он убедился бы, что науке уже известны соединения аминокислот и ею достигнуты огромные результаты в области синтеза белка. Известно также, что солнечные машины существуют не только в романах, но и в действительности. Знакомство с научной литературой не плохо и в том отношении, что тогда герой называл бы мотыльков правильно: не «эфемеры», а эфемериды.

Но таков уже метод автора. Он думает, что заставить человека говорить чепуху, уснащая ее научными терминами, значит дать образ подлинного ученого. Посмотрите, что делается в институте — этом «комбинате, энциклопедии достижений науки».

«Пыль запорошила золото люстр. В коридоре пахнет химическими соединениями... У нас болели головы от смрада, мы задыхались от пыли...

— Я считаю кислоты. Их было двадцать. Это соединение кислот, если оно только станет соединением, моложе вас, Лида. Только двадцать кислот. Но как много обещают они. Как много имеет в наше время молодость. Включите ток!

— Ток? — Она удивленно посмотрела на меня.

— Да, ток. Нам должно помочь электричество, свет и даже те силы, которые как будто знает наука, но мы сегодня еще целиком их не можем об'яснить...

Она включила ток, я изменил накал газовых печей. Начинали действовать могучие силы — тепло и электричество».

Следует спросить автора, бывал ли он хоть один раз в наших лабораториях институтов, где настолько чисто, что люди могут работать, не надевая халатов, и дышать хорошо вентилируемым воздухом. Зачем этот диалог с нагромождением слов и запутанных понятий, похожий скорей на бред?

Герой хвастливо заявляет, что его работа воплощала в себе «волю и стремление целого коллектива и была связана «со всей страной». На протяжении всего романа читатель видит только одного пожилого, солидного профессора. Он тоже был энтузиастом белка. Этот пожилой, солидный профессор оказался вредителем.

Герой, увлекаясь «эфемерами», и наблюдая за тем, чтобы сотрудники «уходили из института в точно установленное время», не проверил по существу своего помощника и столкнулся с его вредительскими тенденциями пост-фактум.

В романе есть еще два лица — жена и дочь героя. Жена, конечно, — «эфемер», а дочь — Стелла — талантливый ребенок. Она играет на скрипке. Герой, придя к выводу, «что между музыкой и созданием белка есть много общего», способствует ее выступлению в концерте. Вы думаете, автор в вопросе о музыке ограничится вышеприведенным сногсшибательным афоризмом? Ничего подобного. Вот о чем поет скрипка Стеллы:

«...Событие — выход зайца на дорогу. Событие — треск ветки. Событие — крик совы. Звук передает не только выход зайца, но и «черные тени» от «лапчатых, широких крыльев совы». И «не один звук, а плеяда. Плеяда потому, что звуки не только звучат, а и горят, как мерцающий свет Альционы, Майн, Электры, Стеропы».

Чтобы отвести обвинение читателя в протаскивании декаданса, «фиолетовых рук, полусонно чертящих звуки на эмалевой стене», автор и тут спешит пришить на живую нитку к «лунной (!) сонате» песню борьбы и освобождения.

Кривляния героя кончаются торжеством. Белок открыт. Стелле делается вспрыскивание, и она моментально выздоравливает.

«Лида, — говорит герой, закрывая от счастья глаза, — идите сюда. Я хочу вам сказать что-то необыкновенно важное. Идите ближе».

Это «что-то» вполне понятно. Им начался и кончился роман.

Нет! Не нужно было писать эту книгу, переводить ее и, наконец, самое главное, издавать.

В. Тройнов

Театр, музыка, кино

СПЕКТАКЛЬ АКТРИСЫ

«Без вины виноватые» А. Н. Островского в театре им. Вахтангова

Близость свою к народу Островский понимал и ценил. Понимали это и театральные чинуши, открыто презиравшие «мужицкие» пьесы великого русского драматурга, душившие его могучее творчество чугунными лапами александровской цензуры.

В своей известной записке об образовании в Москве русского народного театра, как бы полемизируя с этой светско-театрально-жандармской чернью, А. Н. Островский с мужественной и глубокой прозорливостью заметил:

«Драматическая поэма ближе к народу, чем все другие отрасли литературы. Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии для всего народа Эта близость к народу нисколько не унижает драматической поэзии, а, напротив, удваивает ее силы и не дает ей опошлиться и измельчать».

«Без вины виноватые» — предпоследняя пьеса Островского Она написана в 1884 году, больше чем полвека тому назад Первыми создательницами центрального образа пьесы Елены Ивановны Кручининой были великие русские актрисы XIX века Федотова и Стрепетова.

Но вот «Без вины виноватые» идут в 1937 году в Вахтанговском театре, и опять льются слезы в зрительном зале и бушуют «добрые чувства». Народность, правдивость, яркая сценичность и художественная критика органических пороков капиталистического общества придают неувядаемую силу «драматической поэзии» Островского.

А между тем далеко не все в этой почти мелодраме со счастливым концом звучит приемлемо для уха советского зрителя Мы слышим фальшь в рассуждениях Кручининой о сестрах милосердия, рассуждениях, обильно сдобренных слезой либерального гуманизма. Да и драма незаконнорожденного Григория Незнамова чужда молодым советским людям по той простой причине, что самое понятие «незаконнорожденный» для них мало понятно. Но эти отдельные ноты не заглушают основного, а основное — это художественно убедительная критика чудовищной власти денег в обществе Муровых и трогательно чистый образ страдающей матери, любовно вылепленный Островским

Заслуженная артистка республики А. А. Орочко замечательно исполняет роль Отрадиной-Кручининой. В первом действии, когда Елена Кручинина еще зовется Любой Отрадиной и представляет собой наивную, молодую, бедную провинциалку, Орочко играет сдержанно, как бы сберегая силы для дальнейшего Талант ее расцветает во втором и третьем действиях. Тонкий реализм и благородный рисунок игры Орочко захватывает зрителя В ее устах даже рассуждения о знаменитых сестрах милосердия звучат тактично Особым, близким сердцу советского человека, социальным смыслом наполняет Орочко образ хорошей русской женщины — Елены Ивановны Кручининой Счастливые советские матери, утирающие слезы в тот момент, когда на сцене Кручинина — Орочко с безумной тоской и надеждой расспрашивает Галчиху — Ляуданскую о судьбе своего сына, плачут над тяжелой прошлой судьбой женщины.

Неровно, со срывами в мелодраму, играет В. Москвин роль Григория Незнамова. Нужно заметить, что роль эта чрезвычайно трудна для актера по причине, о которой мы писали выше Повидимому, неровность игры В Москвина идет именно отсюда — трудно изображать чувства и переживания, природа которых тебе чужда

Нравится и радует игра Макаровой (Коринкина). Она очень выразительно играет провинциальную театральную львицу, это кое развращенное дитя старого закулисного омута, обитателей которого так хорошо знал Островский. Заслуженный артист республики Захава и артист Козловский (Дудукин и Муров), как говорили некогда рецензенты, «хорошо поддерживают ансамбль».

Чудесный актер Горюнов нашел для исполнения роли Шмаги много метких и верных актерских деталей, но, на наш взгляд, несколько упростил богатый образ бродячего российского комедианта XIX века. Шмага — фигура более значительная, чем та, которую изображает заслуженный артист республики Горюнов Ведь Шмага в какой-то степени олицетворяет социальный протест У Островского он выражает его трагикомически, а Горюнов только комичен Думается, что в дальнейшей работе над ролью Горюнов найдет эти недостающие ему сейчас для полного успеха черты.

Против постановки заслуженного артиста республики Раппопорта и оформления художника А Д Гончарова трудно что-либо возразить К сожалению, это все, что можно сказать об их работе Нам кажется, что тт Раппопорт и Гончаров несколько «офранцузили» Островского, подчеркивая мелодраматическое начало пьесы и стушевывая быт

А в общем «Без вины виноватые» у вахтанговцев — это спектакль актрисы. Советские театралы скоро будут советовать знакомым: «Обязательно сходите посмотреть Орочко в «Без вины виноватые»

Они будут правы: посмотреть Орочко в роли Кручининой следует каждому, кто любит советский театр и его работников.

Леонид Ленч

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ФИЛЬМ

Рабочий Василий и его жена стелят постель для Ленина. Он решительно отказывается. Ни в коем случае он не хочет причинить хозяевам беспокойство. Он будет спать на полу.

И вот Ленин, укрытый чужим плащом, спит на полу в бедной комнате рабочего. И двое стерегут его сон: хозяин дома и его жена. Тишина. Стук маятника. Два человека, тесно прижавшись друг к другу, смотрят на спящего.

— Это он? — спрашивает женщина.

Муж молча сжимает ее руку.

Эта тема узнавания Ленина, ожидания его — тема растущей молвы — проходит через весь фильм.

— Какой он? — спрашивает крестьянин в письме. Растет молва: Ленин! В окопах это имя, на заводах, в деревнях. Увидеть его, поговорить с ним... Где он? Какой он?

И в другом лагере звучит имя вождя. Там тоже обсуждают — какой он? Там тоже хотят его встретить. Хотят найти его.

Эти две линии обнаружения Ленина, идущие из противоположных лагерей, организуют как бы фабулу фильма.

Сыщик таится у порога Ленина. Обнаружено его местопребывание. Юнкера мчатся в грузовике — схватить Ленина. Шофер оглушает сидящего рядом с ним сыщика. Грузовик едет не туда, куда нужно. Юнкера спохватываются. Шофер убит. Он падает с криком:

— Да здравствует Ленин!

Линия врагов обрывается. Им не удалось «увидеть» Ленина. Он продолжает, оставаясь невидимым, руководить подготовкой вооруженного восстания. Все знают: есть Ленин, есть человек, который за мир и за хлеб для народа, за прекращение войны, за власть советов

— Ты видел Ленина?

— Какой он?

И вот в Смольном народ узнает Ленина. Огромная толпа — матросы, солдаты, рабочие, наполняя коридоры, стремится за Лениным.

— Ленин! Ленин!

Возгласы, бурное «ура». Вот он, Ленин, узнали Ленина, вот он какой — вождь, наш Ленин...

И крестьянин, который до того не мог никак представить себе, как же выглядит этот удивительный человек, защитник народа, увидев Ленина, произносит про себя с восхищением:

— Обыкновенный...

В этом фильме много замечательных сцен. Великолепна сцена на заводе, в которой представитель временного правительства требует сдачи оружия. Уверенность массы в собственной силе выражена в этой сцене разнообразными средствами.

Отлично сделан диалог в сцене чтения Василием письма из деревни.

— Отнимать землю сейчас или ждать какого-нибудь постановления? — читает Василий

— Отнимать! — быстро говорит Ленин. — Ничего не ждать. Отнимать сейчас же.

Это вызывает весело-одобрительную реакцию в зале.

Одна из лучших сцен — заседание ЦК. Ленин, Сталин, Дзержинский. Ленина мы видим на первом плане. Мы можем детально следить за мастерством Щукина. Отдельные жесты, повороты головы, игра рук — все это создает необыкновенно выразительный портрет. Тут задумываешься над тем, какое великолепное искусство — кино! То искусство, которое Ленин считал самым важным.

«Ленин в Октябре»—это именно народный фильм. Образ Ленина дан в нем в обаянии правды, справедливости, чистоты.

Зритель радостно воспринимает каждое раздающееся с экрана слово Ленина.

Жалок Керенский. Как кукла, встает он и садится. Псевдо-значительное лицо, истерические выкрики.

— Это было в Октябре 1917 года, товарищи...

Такова одна из надписей.

Мы видим коридоры и залы Смольного. Октябрь 1917 года. Матросы в пулеметных лентах, столы, заваленные планами и картами, телефоны, папиросный дым, папахи, штыки.

Фигура Сталина. Он нагнулся над картой Блестят черные волосы. Ленин подходит к нему, они ходят из угла в угол, горячо обсуждая что-то.

Тонкотрубая «Аврора» движется в сумраке. Ослепительный клубок выстрела.

Это исторические сцены Отдельные картины великой истории Октябрьских дней, отдельные образы великой жизни Ленина.

Замечательный фильм, увенчавшаяся успехом попытка дать в искусстве образ Ленина.

Ю. Олеша

ЗАПОЗДАЛЫЕ ПРИЗНАНИЯ

На общем собрании коллектива театра им. Мейерхольда

С 22 по 25 декабря коллектив театра им. Мейерхольда обсуждал выступление печати о своем театре.

Три дня люди коллектива горячо говорили о том, как преступно относился театр им. Мейерхольда к искусству, какие безобразия творились в коллективе, как нарушались основные принципы работы в советском театре с советским актером.

Бесплановость, хаос, самодурство «мастера», нетерпимое отношение к самокритике, полное равнодушие к актеру, игнорирование живых людей и их индивидуальных творческих способностей — вот что годами царило в театре им. Мейерхольда.

К кому обычно обращается в театре артист за советом, за помощью в работе? К режиссеру. Но в театре им. Мейерхольда им был Мейерхольд. К художественному руководителю? Но им также в театре Мейерхольда был Мейерхольд. К директору? Но и им в театре им. Мейерхольда был Мейерхольд. Таким образом круг замыкался

Спрашивается: как же работать при таком положении? Одни уходили, другие подхалимничали и приспосабливались, третьи терпели.

Артисты с возмущением говорили о репертуарной анархии театра. Актер Громов заявил, что театр им. Мейерхольда можно назвать «театром несбыточных мечтаний и обещаний, театром неосуществившихся надежд».

Неизвестно, откуда у руководства вдруг вспыхивали идеи новой постановки. Театр включался в работу, начинались репетиции, создавались бригады, спектакль уже заранее рекламировался. Но внезапно вспыхнувшая идея так же внезапно угасала. Прекращались репетиции, распускались бригады, творческий ажиотаж замирал. Дезорганизованные артисты уныло спорили о причинах крушения готовящейся премьеры. Но через некоторое время в театре снова начинались разговоры: «Мастер задумал новый спектакль. На-днях приступаем». И начиналась обычная суматоха: репетиции, бригады, обещания... и очередной крах.

Артисты в своих выступлениях подчеркивали, что крах вызывался всегда одной и той же причиной. Руководство упорно стремилось протащить для постановок в театре чуждые пьесы или контрреволюционную стряпню различных сомнительных «драматургов», чье гнусное лицо сейчас полностью открыто.

В то время, как театры Союза, вплоть до самодеятельных клубных кружков, умели находить правдивые пьесы, отражающие героику советской жизни, лишь один театр, с горечью признали все актеры, не видел или не хотел видеть этих пьес — это театр Мейерхольда.

Пьеса «Одна жизнь», юбилейная пьеса театра, готовилась буквально, как на пожар. Паника все время царила в театре. Репетиции прерывались... на три месяца, а затем растерянный коллектив получил задание от художественного руководства, за несколько дней до двадцатилетия Октябрьской революции кое-как, наспех приготовить спектакль.

Так и исковеркали прекрасный роман большого писателя!

На общем собрании сотрудников театра им. Мейерхольда выступил за эти дни почти весь коллектив театра. Это были актеры, пришедшие к Мейерхольду в различное время и занимающие различное положение. Но все они, начиная от актера Боголюбова, работающего у Мейерхольда больше десяти лет, и кончая студентом-практикантом Чулковым, на-днях пришедшим в театр, говорят одно и то же: хаос, семейственность, подхалимство, отсутствие творческих установок, полная дезорганизация коллектива.

Работники театра высказывают сейчас много горьких истин. Но тут встает законный вопрос:

Почему только после резких выступлений печати все «униженные и оскорбленные» вдруг прозрели и, получив голос, возопили о своих мытарствах?

Актеры, заявляющие на собрании о том, что за последние четыре года производственный план театра не был выполнен ни на один процент, — знали об этом возмутительном факте, очевидно, и до сигнала печати. И они не имели права молчать все это время.

Накануне 20-летия Красной Армии

КАК ГОТОВЯТСЯ ТЕАТРЫ

Через два месяца наша родина будет праздновать двадцатилетие героической непобедимой Рабоче-Крестьянской Красной Армии К дням славного юбилея будут развернуты выставки, выпущены специальные издания, устроены вечера.

Государственный ордена Ленина Академический Малый театр посвящает славному юбилею РККА постановку новой пьесы в стихах В. Гусева — «Дружба». Это — пьеса о моральном и политическом единстве нашего народа, о смысле и значении военной профессии в нашей стране. Театр уже приступил к работе над постановкой «Дружбы», осуществляемой заслуженным деятелем искусств К. П Хохловым Оформление спектакля поручено художнику М С. Варпех.

Театр им. Вахтангова еще весной, планируя свой репертуар на 1938 год, решил одну из своих постановок посвятить юбилею Красной Армии. Недавно театр получил новые пьесы от И. Прута «Дорога на юг» и В Катаева «Шел солдат с фронта», являющуюся инсценировкой его нового романа «Я, сын трудового народа». Вопрос о том, какая из этих пьес пойдет к юбилею РККА, до сих пор решается в Комитете по делам искусств

Московский Камерный театр предполагает показать премьеру спектакля «Кочубей». Это — инсценировка одноименного романа А Первенцева, сделанная автором совместно с постановщиком спектакля Н. П. Охлопковым.

В театре имени МОСПС 23 февраля состоится премьера пьесы Л. Никулина «Порт-Артур». О том, какую художественную задачу ставит театр, рассказывает постановщик «Порт-Артура» заслуженный деятель искусств И. Н. Берсенев.

— Наша задача — показать, что государственная авантюра захвата отдаленного, заброшенного порта, осуществленная бездарным, корыстным, продажным командованием, безжалостно погубившим 150 тысяч жизней, авантюра, приведшая к позорному поражению царское правительство и разоблачившая распад и гниль царского строя, явилась толчком к пробуждению революционного сознания масс, прологом к генеральной репетиции — революции девятьсот пятого года. В этом спектакле я должен, как режиссер, донести до зрителя мысль, выраженную в словах Владимира Ильича о Порт-Артуре: ...«Своей глупой и преступной колониальной авантюрой самодержавие завело себя в такой тупик, из которого может высвободиться только сам народ и только ценою разрушения царизма». Такова идея нашего спектакля.

К двадцатилетию Красной Армии готовятся и театры периферии. В нескольких городах ставится новая пьеса И. Прута «Дорога на юг». В некоторых театрах пойдет пьеса Шейнина и бр. Тур «Очная ставка».

К сожалению, подробными сведениями о подготовке театров периферии к юбилею РККА Всесоюзный комитет по делам искусств не располагает.

Начальник театрального управления Всесоюзного комитета по делам искусств тов. Гринберг прямо заявляет, что он не ставил себе задачи выпустить специальные спектакли к 20-летию Красной Армии. Разумеется! Ведь поставив себе такую задачу, театральное управление должно было бы своевременно позаботиться и о создании репертуара о Красной Армии, или, по крайней мере, заинтересоваться творческими замыслами драматургов, или, наконец, спланировать репертуар театров так, чтобы пьесы о Красной Армии были показаны ими не в случайные сроки, а приурочены к юбилею. Но так как ничего этого, повидимому, сделано не было, то начальнику театрального управления ничего и не остается теперь, как заявлять, что он себе такой задачи не ставил.

До юбилея осталось два месяца. У театрального управления Комитета по делам искусств есть еще время развернуть на периферии подготовку спектаклей о Красной Армии и помочь московским театрам, работающим над оборонными пьесами, вовремя выпустить их на сцену.

Литературная жизнь фабрик и заводов

Растить молодежь

А. Серафимович

Человеку, который хочет быть писателем, надо учиться не только писать, но и читать книги. Надо **уметь читать** для того, чтобы видеть, как «делалось» художественное произведение, чтобы разглядеть за словом художественный образ, за сюжетом — искусство композиции.

Наши молодые авторы обладают этим умением крайне редко. Больше того, многие из них и не стремятся обладать им, не воспитывают в себе элементарные свойства — трудолюбие, любознательность, самокритичность, без которых немыслимо стать писателем.

Мне немало приходилось встречаться с начинающими авторами, и опыт мой позволяет мне утверждать, что в большинстве своем они подходят к писательскому ремеслу, как к делу приятному и не слишком трудному. Трудности, на которые они наталкиваются с первых шагов, раздражают их, охлаждают их литературный пыл. Тогда они ищут встреч с каким-нибудь известным писателем. Но отнюдь не для того, чтобы поучиться у него глубоко и вдумчиво подходить к явлениям жизни, не для того, чтобы прислушаться к его замечаниям. Нет, этим молодым людям кажется, что квалифицированный писатель знает какой-то секрет, фокус, как делать легко и быстро хорошую книгу; они хотят завладеть этим фокусом. Многие из начинающих наивно думают, что достаточно понравиться тому или иному писателю, и тот обязательно откроет ему секрет писательского ремесла.

При первых же указаниях на недостатки на лице такого молодого автора появляется выражение скуки и разочарования, и становится ясно, что ему не нужны ни эти указания, ни учеба, и что никакого писателя из него не получится.

Из большого количества начинающих авторов очень немногие действительно талантливы. Да это и естественно: в каждой области человеческой деятельности подлинные таланты — явление не столь уж частое. Но именно поэтому надо особенно внимательно присматриваться к каждому, пробующему свои литературные способности, не обмануться поверхностным красноречием, внешней красивостью слова, но и не пропустить истинно способного человека.

Может возникнуть вопрос: стоит ли ради немногих способных к литературному труду людей создавать целую сеть заводских литкружков, содержать штат руководителей? Несомненно стоит. Но литкружки должны быть коренным образом реорганизованы, функции их — расширены. На многих предприятиях все еще принято считать, что литкружок — это некая мастерская, где делают писателей, и сами литкружковцы чувствуют себя как бы избранными. С такими настроениями молодежи и руководителей надо решительно бороться. Назначение литературного кружка — не столько «создавать писателей», сколько воспитывать читателя, прививать широким массам рабочих потребность и вкус к чтению, популяризовать лучшие произведения художественной литературы. Советские писатели должны читать свои произведения в заводских литкружках, зная, что здесь они встретят квалифицированную рабочую аудиторию. Рабочие должны быть уверены, что часы, проведенные в литкружке, дадут им какие-то новые познания в области литературы, положительно скажутся на их общем культурном уровне.

Но здесь же возникает другая проблема, — проблема руководства литкружками. Интересная жизнь литкружка возможна лишь в том случае, когда его ведет инициативный, культурный, любящий литературу руководитель, владеющий к тому же правильными методами учебы. А таких руководителей у нас пока еще мало. Вот почему так часто заводские литкружки оказываются нежизнеспособными. Неудовлетворенная молодежь, стремящаяся к литературной работе, уходит из кружка и прибегает к помощи так называемых литературных консультаций. Но и здесь их ждет порой разочарование.

Не боясь показаться неоригинальным, я вместе с другими должен заявить, что в консультациях по большей части сидят серые чиновники, задавленные количеством рукописей и мечтающие только о том, как бы поскорее и полегче от них избавиться. Частенько это люди с испорченным литературным вкусом, а порой и просто недостаточно грамотные. Отсюда — их ответы, граничащие с анекдотами, и вечное недовольство работой литературных консультаций. Деятельность их непременно должна быть взята под контроль общественности.

Тяга в литературу у нас очень велика. Едва ли не каждый из нас, старых писателей, знает это и по переписке и по личным встречам с рабочими-авторами. Наша задача, наш долг — находить среди тянущихся к литературе людей талантливых и заботливо растить молодую писательскую смену.

Литературная Тула

На предприятиях Тулы есть немало талантливых писателей и поэтов. На Новотульском металлургическом заводе работает молодой поэт Константин Егоров. Основная тема его стихов—это наше радостное сегодня, наша счастливая жизнь, жизнь завода, цехов, жизнь колхозных полей.

Цветет страна все радостней и краше
В густых садах и в яблоках тугих.
Прими, отчизна, все богатство наше
Из славных рук работников твоих.

Так говорит поэт в своем стихотворении «Осень». Он поднимает тост «за новый день, за наше плодородие, за мудрого садовника-вождя».

Курсант оружейного технического училища Сергей Родионов тоже пишет стихи. Последнее его стихотворение посвящено избирательной кампании и кандидату в Верховный Совет стахановцу-железнодорожнику Огневу.

В газете «Коммунар» стихи молодых тульских поэтов появляются довольно часто. Многое в них еще нужно исправлять, многого в них нехватает, но одно то, что в тульскую газету ежедневно поступает 6—8 стихотворений, уже говорит о том, что молодые рабочие поэты и писатели хотят работать, хотят учиться и требуют к себе внимания.

Когда-то в Туле было несколько литературных кружков. Начинающие поэты и писатели собирались в клубе «Серп и молот», в клубе оружейного завода, при городской газете «Коммунар». Они читали свои произведения, критиковали недостатки, исправляли их, устраивали литературные вечера.

Так было до недавнего прошлого. Потом работа в кружках стала ослабевать. Тульский горком ВКП(б) вынес специальное решение об улучшении работы среди начинающих поэтов и писателей. Решение подшили к делу, и больше оно никого не интересовало.

15 ноября редакция газеты «Коммунар» созвала собрание начинающих поэтов и писателей. На собрание пришли все те, кто в течение ряда лет принимал участие в активной работе литературных кружков Тулы. Присутствовал на собрании и представитель союза советских писателей тов. Чижевский. На собрании выступали молодые поэты и писатели, говорили о том, что литературными кружками Тулы по существу дела никто не руководит, что желание работать у всех литкружковцев большое, что газета «Коммунар» кое-как помогала литературным кружкам. Говорили о многом.

Представитель союза писателей обещал поставить вопрос в союзе о литературной работе в Туле. До сих пор молодым поэтам и писателям Тулы ничего неизвестно о результате переговоров тов. Чижевского с правлением союза.

Тула. **Н. НИКОЛАЕВ.**

Рабочие знакомятся с классиками

В свое время подготовка к столетию со дня трагической гибели великого народного поэта А. С. Пушкина и проведение пушкинских дней привлекли огромное внимание рабочих и работниц Саратовского завода комбайнов к литературе. Ежедневная заводская газета «Даешь комбайн» напечатала свыше 30 статей, заметок, отзывов читателей о творчестве А. С. Пушкина. Кроме местных материалов газета напечатала интересные сообщения своих корреспондентов из Ленинграда и выпустила в юбилейную дату специальный номер, посвященный жизни и творчеству великого русского поэта.

Так в пушкинские дни было положено начало большому культурному делу.

За короткий промежуток времени (март-апрель) газета отвела полосы, а иногда разворот, посвященные творчеству ряда русских классиков: М. Е. Салтыкову-Щедрину, Н. А. Некрасову, Н В Гоголю и В В Маяковскому

В мае газета напечатала страницу о гражданской казни Н. Г. Чернышевского

В первую годовщину со дня смерти великого русского писателя Алексея Максимовича Горького газета поместила большой литературный материал о любимом пролетарском писателе Позднее были напечатаны литературные страницы о творчестве А. П. Чехова и М Ю. Лермонтова

Газета не пропускает ни одной важной литературной даты. Ею отмечено 135-летие со дня смерти А. Н. Радищева. Особенно тщательно и любовно был сделан номер, посвященный жизни и творчеству любимого бойца пролетариата-орденоносца Н. А. Островского

В октябре газета хорошо сделанной страницей отметила 128-летие со дня рождения А. В. Кольцова.

Сейчас заводской газетой тщательно готовится материал для литературной страницы, посвященной жизни и творчеству поэта Шота Руставели

В газету пришли начинающие прозаики и поэты. Они составили литературный кружок; руководит ими поэт Борис Озерный. Лучшее из написанного литкружковцами печатается.

Надо пожелать, чтобы это хорошее начинание не заглохло и чтобы саратовские писатели оказали помощь литкружковцам завода.

г. Саратов. **Л. ЛОДГАУЗ.**

У издательского порога

У нас немало литературно одаренных людей из рабочей молодежи Они нуждаются в серьезной, углубленной работе.

Но что делается в этом смысле в Гослитиздате? Года два тому назад здесь, например, вышел сборник «Стихов о метро», написанный рабочими-метростроевцами. Талантливые стихи дал в этот сборник Георгий Костров. Работала литконсультация Гослитиздата над этим молодым поэтом? Нет Помогла она его творческому росту? Тоже нет.

Поэт сверкнул на поэтическом горизонте, и о нем в Гослитиздате забыли.

В литконсультацию Гослитиздата часто обращаются члены литературного коллектива Электрокомбината Они просят конкретной, творческой помощи и этой помощи не получают

В «Красной нови» и в «Октябре» печатается работник завода «Самоточка» тов. Меньшиков Литконсультация и для него почти ничего не делает, чтобы помочь его творческому росту.

За весь 1937 год в Гослитиздате не вышло ни одной самостоятельной книги рабочего-автора Произведения же рабочих-авторов, опубликованные в журналах и различного рода сборниках и альманахах, исчисляются буквально единицами.

Между тем талантливые люди у нас есть, но они проходят мимо порога наших издательств. От них просто деликатно отмахиваются.

В издательстве «Молодая гвардия» работа с молодыми беллетристами и поэтами сосредоточена главным образом в редакции журнала.

В первых номерах журнала нового 1938 года будет напечатана повесть бывшего грузчика Электрозавода, ныне ученика-шофера московского автокомбината Афонина — «Шура — шеф», и большая на шесть печатных листов повесть молодого уральского рабочего Запретилина.

Но это только кажущееся благополучие. Материал, которым располагает редакция, — случайный, пришедший в журнал самотеком, а не организованный редакцией. Только теперь, подготовляя к печати два сборника молодых авторов, издательство решило связаться с литературным активом наших московских заводов.

Кадр из фильма «Балтийцы» (Выпуск Белгоскино).

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Ответ тов. Платонову

В предыдущем номере «Литературной газеты» напечатано письмо Андрея Платонова по поводу моей статьи о его литературной работе. В своем «Возражении без самозащиты» тов. Платонов отмечает, между прочим и беспримерно пренебрежительный якобы тон моей статьи. Он мог бы ответить мне в таком же стиле, но не желает этого, потому что мы с ним «члены одного общества и одной страны».

Платонов настроен товарищески, он благородно отказывается от всякого высокомерия и пренебрежения и поэтому говорит обо мне так:

Статья Гурвича не интересна. Ее не трудно оспорить, но она этого не стоит. Она хуже всего, что было написано на эту тему до нее. Это статья самоучки. Одна вздорна. Гурвич совершает непреднамеренный плагиат. Метод его крайне вульгарен и пошл. Приемы — просты и глупы.

Не слишком ли много для одного грешника?

Первое возражение Платонова сводится к тому, что я, вместо «поисков разницы» в его произведениях, занимаюсь только тем, что устанавливаю их принципиальное равенство.

Но ведь это неправда, тов. Платонов.

Я показываю в своей статье, как видоизменяются, развиваются, варьируются ваши основные темы — разве это не значит, что я говорю о разнице, об исключительных особенностях отдельных ваших рассказов. Это не освобождает меня от обязанности указать читателю на единство, устойчивость и порочность идей писателя, если нахожу, что это ему присуще.

Может быть, моя критика и выводы неправильны? Если вы это находите — докажите. Но вы предпочитаете, ничего не доказывая, просто отрицать факт. Разве этот прием не напоминает больше самозащиту без возражений, чем «возражение без самозащиты»?

О моей попытке об'единить результаты анализа в живое целое вы пишете: «у него этот опыт, конечно, не удался». Чем вы подкрепляете это заявление? Ничем. В чем неудача? Неизвестно. Неужели вы думаете, что слово «конечно» может заменить собой аргументацию?

Остается еще последнее, основное ваше «возражение». Я подробно цитирую вашу статью о Пушкине, чтобы показать, что всеми своими программными положениями она резко направлена против собственной вашей **художественной** практики. Славя полнокровность «пушкинского человека», сами вы тенью тянетесь за нищими и мертвыми. «Это неправда, — возмущаетесь вы, — статьи о Пушкине, Горьком и другие мои работы написаны позже тех произведений, которых коснулся Гурвич, а художественных произведений, написанных одновременно с этими статьями, Гурвич знать не может: они еще не опубликованы».

Вот уже воистину вздор!

Тов. Платонов, вы зрелый человек. Я писал о работе почти **всей вашей сознательной жизни.**

А вы вдруг заявляете: — Нет, нет, это не я. Статья о Пушкине — это я, но она написана на несколько месяцев позже. А что касается художественных произведений, то все опубликованное мною за всю мою жизнь—это не я, а я—это то, что не опубликовано, то, чего никто не знает, ни читатель, ни Гурвич. Тонкий, чуткий критик-хиромант поговорил бы об этих неизвестных будущих произведениях, а вульгарный Гурвич позволяет себе делать выводы о писателе на основании полного собрания его сочинений.

Этот упрек принимаю полностью. Признаюсь в своей ограниченности: за пределы существующего мне выйти действительно не удалось.

Что же касается того, что я и статью вашу о Пушкине ставлю вам в упрек, то это никак не соответствует действительности. Наоборот, подводя итоги, я привлекаю все ваше внимание именно к этой статье, я пользуюсь ею для подкрепления своих взглядов. Я беру автора этой статьи Платонова к себе в сообщники для своей борьбы с художником Платоновым, произведения которого опубликованы и читаются, независимо от того, как к ним сейчас относится сам автор.

Вы говорите, что я умертвил писателя, которого хотел вначале якобы «методически изучить» на предмет «дальнейшего улучшения». Никого из писателей я не могу ни наставлять, ни улучшать, ни учить, ни воспитывать. И не думаю, чтобы к этому сводилась роль критика. Столкновение между критиком и писателем есть идеологическая борьба, а не школьный урок.

В своем письме вы резко отворачиваетесь от ваших опубликованных художественных произведений, вы признаете теперь, что что они дефектны, ошибочны, вредны. Но ведь именно это я доказываю в своей статье. Почему же вы со своим возражением обратились ко мне, а не к тем критикам, которые сейчас подымают ваши ошибочные, вредные, мучительно пессимистические произведения как знамя настоящего оптимизма.

О новых, неопубликованных ваших произведениях говорить несколько преждевременно. Но вы должны верить, что в нашей стране не найдется ни одного честного человека, включая и самых вульгарных, который не обрадуется, услышав, что вы поете своему народу заздравную с такой же глубиной и проникновенностью, с какой вы до сих пор пели заупокойную.

А. ГУРВИЧ.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция печатает ответ А. Гурвича на письмо Андрея Платонова, считая, что эта полемика может быть интересна нашим читателям. Со своей стороны редакция полагает, что А. Гурвич, обвиняющий Андрея Платонова в том, что некоторые его рассказы «иначе, как клеветническими... быть названы не могут», и непосредственно вслед за этим утверждающий, что «...все произведения Платонова, независимо от эпохи, к которой относится их содержание, и от времени их опубликования, несут на себе печать единого, глубоко порочного и в этом смысле весьма устойчивого мироощущения автора», совершает явную ошибку.

Ведь в конце своей статьи А. Гурвич противопоставляет рассказам Андрея Платонова его же статьи о Пушкине, находя в статьях именно то, чего нехватало рассказам.

Значит «мироощущение автора» не так уж безнадежно устойчиво.

Мы полагаем, что А. Гурвичу следовало бы задуматься над противоречиями, найденными им в творчестве автора, о котором он пишет, и попытаться об'яснить их, вместо того, чтобы с цитатами из статьи Андрея Платонова нападать на его же рассказы.

Критику следует радоваться тому, что писатель, которого он сам называет талантливым, стал думать иначе и правильнее, а не пытаться отрезать писателю путь к перестройке и злорадствовать по поводу возникающих у него при этом противоречий.

Мы согласны с тем, что в рассказах Андрея Платонова многое ложно и чуждо нашей действительности. Но мы надеемся, что статьи его «Пушкин—наш товарищ» и «Пушкин и Горький» знаменуют собой коренной поворот в его творчестве.

«Река Потудань»

Рабочие-рецензенты о книге

— Отличаются ли новые мои произведения от старых?

Так заканчивает Андрей Платонов свое письмо в редакцию («Литературная газета» № 69).

На этот вопрос ответили писателю рабочие-рецензенты, обсуждавшие 20 декабря в издательстве «Советский писатель» последнюю книгу рассказов А. Платонова «Река Потудань».

Многолюдное собрание было почти единодушно в оценке творчества Андрея Платонова.

— Писатель в своих новых произведениях, — сформулировал эту оценку т. Сидорин, — безусловно освобождается от формалистических ошибок, характерных для его прошлого творчества. Писатель старается и небезрезультатно разрушить узкий мир своих героев, увидеть советскую действительность, полную здорового жизнерадостного оптимизма. Это можно проследить при анализе старого рассказа «Река Потудань» и нового рассказа «Бессмертие». Но все же в книге «Река Потудань» преобладают несчастные люди, сильно и ненасытно любящие и свои и чужие страдания.

Тов. Николаенко (ЗИС) говорит:

— Мне казалось, что автор галлюцинирует. Непонятно, почему Фирсов, герой рассказа, участник гражданской войны, так предельно устал, так безнадежно покорен каким-то болезненным теориям? Скорее так любить может неврастеник, хлюпик, а не сын народа. А ведь общеизвестно, что «никто на свете не умеет лучше нас смеяться и любить».

Тов. Нечаева — представительница библиотеки автозавода им. Сталина, детально останавливается на лучшем, по ее мнению, рассказе «Бессмертие».

— В этом рассказе, — говорит Нечаева, — Платонов пытается показать большевика Левина. Он работает на транспорте. Он отдает все свое время, всю свою страсть этому делу. Работает Левин отлично. Но думает и чувствует, он, как болезненный человек, а не стойкий большевик, посланец железного наркома товарища Кагановича. Левин одинок. У него нет ни близких, ни чужих. У него нет даже имущества, а только котомка, да и то какая? «Раньше с такими котомками ходили нищие, но и те перестали».

— И эта котомка нищих в рассказе является как бы символом сердца Левина, которое «должно быть пустым, чтобы все вместить в себе». Разве это образ большевика?

Дальше т. Нечаева сообщает, что книга «Река Потудань» получила резко отрицательную оценку читателей на заводе. Об этом же говорит и представитель библиотеки Наркоминдела тов. Бельвельн.

В заключительном слове А. Платонов благодарил собрание за критику, пообещав использовать ценные указания рабочих-рецензентов.

Илья Эренбург в Москве

24 декабря из Испании в СССР приехал Илья Эренбург, для участия в работах пленума правления союза советских писателей, происходящего в Тбилиси.

Эренбург пробудет в СССР 12—15 дней и снова вернется туда, где пробыл почти весь год, непрерывно корреспондируя в «Известия».

В беседе с нашим сотрудником И. Эренбург заявил:

— О героической борьбе Испании против фашизма будут написаны книги, и хотя до сих пор написано крайне мало, но все же первые шаги уже сделаны.

На-днях в Париже вышла изданная в течение двух недель новая книга А. Мальро «Надежда». Это большой роман-хроника об Испании, начиная с первого дня фашистского мятежа и кончая битвой при Гвадалахаре.

Пишет книгу Эгон Эрвин Киш, живущий сейчас в небольшом прифронтовом местечке, где расположен военный госпиталь

— Киш и Хэмингуэй, — рассказывает И Эренбург,—единственные иностранные писатели, находящиеся в настоящее время в Испании. Хэмингуэй должен был давно уехать в Париж в связи с его фильмом, который там снимается. Но он откладывал свой от'езд в ожидании боев. Наконец ему все-таки пришлось уехать. И вдруг в Барселоне он узнал о начале наступления на Теруэль. Забыв о фильме, он вернулся с полпути обратно на фронт.

Собирается писать книгу об Испании и Густав Реглер, находящийся сейчас в Южной Америке. Оправившись от ранения, он уехал туда, чтобы в публичных выступлениях пока еще устно рассказать о героической стране.

Людвиг Ренн недавно уехал в Северную Америку, где он также выступает с докладами и лекциями об Испании.

Наши старые знакомые писатели Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон попрежнему живут и работают в Мадриде.

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ РУССКИХ КЛАССИКОВ

Издательство Академии наук СССР приступает к изданию полного собрания сочинений Глеба Успенского (в 15 томах) и А. С. Грибоедова (двухтомник). В первый том сочинений Грибоедова войдут драматические произведения, во второй — стихи, статьи и письма.

Продолжается выпуск сочинений А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. На-днях вышел второй том академического издания сочинений Н. В. Гоголя. В том включены повести: «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий» и «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Сданы в печать третий и десятый томы академического издания произведений Гоголя. Их содержание — повести и письма, охватывающие период 1820—1836 гг.

Все произведения Гоголя выйдут в 14 томах.

Вечер эстрадной драматургии

Секция драматургов Союза советских писателей СССР устроила на-днях в Доме советского писателя первый вечер эстрадной драматургии.

Живой интерес, проявленный к творческому отчету авторов малой формы, лишний раз свидетельствовал о том, насколько нужна нам эстрадная драматургия и как важно уделить ей побольше внимания со стороны писательских организаций.

Чаще других назывались артистами в этот вечер имена поэтов В. Лебедева-Кумача и В. Гусева. Их стихи читал заслуженный артист Б. С. Борисов, их стихотворные тексты, переложенные на музыку, пели артисты А. И. Окаемов и К. Н. Паляев.

Стихи С. Михалкова, Н. Адуева и М. Долинова, прекрасно имитируя детскую речь, с большим успехом читала Рина Зеленая.

Монолог для эстрады «Перчатки» Е. Шумской хорошо исполнила артистка Н. А. Нурм.

Дружный смех и аплодисменты зала вызвали злободневные куплеты и частушки Н Адуева, с успехом исполненные артистами В. А. Глебовой и О. В. Лабунской.

Теплый и дружеский прием встретил в Доме писателя заслуженный артист В. Я. Хенкин, прочитавший рассказ А. Резапкина.

В концерте приняли участие также артисты М. Г. Донская, М. А. Ставицкий, Л. С. Фукс и композитор В. Я. Кручинин

По следам выступлений «Литературной газеты»

«Возмутительное игнорирование авторских прав»

Издательство «Художественная литература» в ответ на заметку «Возмутительное игнорирование авторских прав» («Лит. газета» от 16 декабря) сообщает редакции, что издательство, как правило, согласует с автором, различные исправления, сокращения, переработки авторского текста. В отношении сборника произведений Всеволода Иванова было действительно совершено недопустимое нарушение авторских прав, и без согласования с автором был снят один из его рассказов.

Дирекция издательства приносит свои извинения тов. В. В. Иванову и в соответствии с постановлением секретариата союза советских писателей обязуется принять меры к тому, чтобы подобные случаи не повторялись.

«Половчанские сады»

На читке пьесы Л. Леонова

На днях в Доме советского писателя Леонид Леонов читал свою новую пьесу «Половчанские сады».

После чтения состоялось обсуждение пьесы, в котором участвовали А. Барто, Вс. Вишневский, М. Гальперин, Ю. Олеша, П. Павленко, Б Ромашов, В. Ставский, К. Федин и К. Финн.

Первым взял слово Ю. Олеша.

— Это талантливое произведение, — заявил он. — Фигуры вылеплены выпукло. Скупость и сдержанность в описании переживаний героев полны внутренней интенсивности, скрытого темперамента. Это типично для леоновских пьес.

Но Ю. Олеше не понравился символизм фамилий Маковеева, Пыляева, Стрекопытова.

В. Ставский считает, что Л. Леонов написал «настоящую советскую партийную пьесу».

— Она ценна тем, — говорил он — что половчанские сады, полные чудных, сочных плодов, выращенных преданными делу людьми, отразили мощь, богатство, изобилие нашей великой родины. Но в пьесе не одна, а несколько параллельных тем. Поэтому центральную тему — сюжетную линию отца Маковеева — нужно больше акцентировать, четче выделить. И сделать это нетрудно.

К. Финн находит, что пьеса Л. Леонова — «замечательное драматургическое произведение», но он выражает опасение, что некоторые персонажи, в частности Пыляев, недостаточно «оперативны», что и текст пьесы требует большей расшифровки.

Против этого решительно возражает Б. Ромашов.

— Писателю не следует навязывать несвойственные ему драматургические каноны, нарушающие его стиль.

Б. Ромашов называет пьесу живописной, пластичной, написанной яркими красками. Вместе с тем он указывает автору на некоторую статичность образов сыновей Маковеева: драматург наделил их разными профессиями, оставив одноликим их психологический и моральный облик.

К. Федин находит, что «Половчанские сады» написаны в хорошей драматургической традиции Чехова и что трудная задача — показать героические характеры в бытовых ситуациях — удалась автору

— Пьеса пронизана мыслями о жизни, высоком назначении человека, — говорит Вс Вишневский — С этой точки зрения центральный ее образ — Маковеев-отец — приобретает особое наполнение и выходит за рамки советской жизни.

Все выступавшие согласились на том, что фигура старика Маковеева — одна из наибольших удач Л Леонова, в то время как противостоящий ему отрицательный персонаж пьесы — Пыляев — меньше удался драматургу, оказался несколько надуманным, «олитературенным», не всегда оправдывающим линию своего поведения в пьесе.

Общим для всех высказываний было утверждение, что пьеса Л. Леонова проникнута жизнерадостностью, оптимизмом, свойственным новым, подлинно советским людям, каких и хотел показать драматург.

ХРОНИКА

☆ Выставка по просмотру фондов Государственного Литературного музея (Моховая, д. 6), открытая в ознаменование XX годовщины Октябрьской революции, продолжена до 1 февраля 1938 года

☆ Управление по охране авторских прав союза советских писателей расширило правовое обслуживание писателей, композиторов, сценаристов, организованы консультации по авторским, налоговым, жилищным и другим гражданским и уголовным делам Прием производится от 12 до 3 часов в помещении управления (Лаврушинский переулок, д. № 17/19, тел. В-1-35-87)

О неуместной обидчивости

Странную настойчивость проявляет редакция «Вечерней Москвы». Вот уже несколько лет с унылым постоянством печатает она заметки в защиту своего рецензента Я. Гринвальда.

Ничего не доказывая и не опровергая, «Вечерняя Москва» нападает на всех, кто сомневается в добросовестности упражнений этого плодовитого «критика».

А сомневаются многие... «Известия», «Литературная газета», «Советское искусство» по разным поводам и в разное время давали справедливую и резкую оценку псевдолитературной стряпне рецензента «Вечерней Москвы».

Что возмущает читателей в заметках Гринвальда? Прежде всего удручающее убожество мысли. Пишет-ли он о пьесах, фильмах или о книгах — все одинаково штамповано, слащаво, трусливо. Словарь рецензента «Вечерней Москвы» не превышает трех десятков слов.

«Художественно сильно! Правдиво глубоко! Яркий художественный блеск! Потрясающая художественная сила! Художественная законченность! Яркий художественный образ! Выразительное раскрытие образа! Глубокое раскрытие образа! Чудесный образ! Расплывчатый художественный образ! — вот несложный арсенал определений, взятый из одной только рецензии о пьесе «Земля», но характерный для всех без исключения заметок Гринвальда.

Что может почерпнуть читатель из трусливых ссылок на неведомую спорность спектакля, из жалкого лепета о «неудачах отдельных фигур» Рецензии сего театрала настолько похожи друг на друга, что кажутся оттисками одного трафарета, куда вписаны только названия спектаклей и фамилии актеров.

Имя Гринвальда давно стало синонимом приспособленчества, критической халтуры и всяческой пошлятины. Боясь «свое суждение иметь», этот «критик» не брезгует и прямым плагиатом. Напомним, что еще в прошлом году «Литературная газета», приводя выдержки из книги Данилина (изд «Академия») и цитаты из статьи Гринвальда о «Ревизоре», уличила рецензента «Вечерней Москвы» в литературном воровстве. Этот печальный факт «Вечерняя Москва» не пыталась даже опровергнуть.

Нищета мыслей заставляет Гринвальда обкрадывать не только других авторов, но и самого себя В этом нетрудно убедиться, сопоставив статьи «Образ Ленина» и «Ленин в Октябре»

Не меньший конфуз получается, когда рецензент «Вечерней Москвы», вопреки обыкновению, пытается выступить с самостоятельной оценкой постановки. Вспомним, насколько отличается ясная и убедительная оценка, которую дала «Правда» спектаклю «Простая девушка», от невнятного брюзжания «Вечерней Москвы».

Нужно ли приводить новые примеры, изобличающие безграмотность и безыдейность халтурщика Гринвальда?

Думаем, что нет.

Выступая в номере от 21 декабря с заметкой в защиту обиженного рецензента, редакция «Вечерней Москвы» почему-то сравнивает себя с торговкой, охраняющей яблоки (т. е Гринвальда) от покушений других газет.

Неуместная обидчивость Не случайно московские газеты дают убийственную оценку стряпне Гринвальда

Еще раз советуем «Вечерней Москве» внимательнее присмотреться к своему рецензенту, компрометирующему газету в глазах читателей

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение, Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69. РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-64.

Уполномоч. Главлита В—29636

Типография изд. «Индустрия», Москва, Цветной бульвар, 30.